

Хижина

Автор:

Уильям Янг

Хижина

Уильям Пол Янг

Книги, о которых говорят

26 издательств отказались от рукописи «Хижина». 27-е рискнуло и уже за первый год продало 5 000 000 экземпляров! Книга – феномен в истории книгоиздательства.

Семейный турпоход закончился трагедией: у Мака пропала младшая дочь. Вскоре в орегонской глуши, в заброшенной хижине, было найдено свидетельство ее вероятной гибели от рук маньяка.

Четыре года спустя так и не смирившийся с утратой отец получает подозрительное письмо, якобы от самого Господа Бога, с советом посетить ту самую лачугу. После долгих колебаний Мак решается на путешествие, которое вдребезги разобьет его представления о природе вещей...

Уильям Пол Янг

Хижина

© Яковлев Д.П., перевод на русский язык, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Эта история была написана для моих детей:

Чеда – Тихого Омута;

Николаса – Чуткого Исследователя;

Эндрю – Добросердечной Привязанности;

Эми – Знающей Радости;

Александры (Лекси) – Сияющей Силы;

Мэттью – Наступающего Чуда.

И посвящается,

во-первых:

Ким, моей Возлюбленной,

благодарю тебя за то,

что спасла мне жизнь,

во-вторых:

«...всем нам,

блуждающим во тьме,

кто верует в Любовь.

Восстань, и пусть она сияет».

Серия «Сенсация»

«Ева»

От автора бестселлера «Хижина»! На берег острова океанские волны выбрасывают грузовой контейнер. В нем 11 жестоко убитых женщин, бывших секс-рабынь, и 12-я девушка, сильно изувеченная, но живая. Придя в сознание, она обнаруживает, что ее спас некий Джон Коллекционер, что она почти полностью парализована и ничего не помнит из своего прошлого...

«Магия»

Автор мировых бестселлеров «Тайна» и «Сила» Ронда Берн открывает знания, способные изменить жизнь. Она приглашает вас в невероятное 28-дневное путешествие, которое привнесет Магию в ваши Отношения, поправит Здоровье, улучшит Карьеру, привлечет в вашу жизнь Деньги и поможет осуществить самые заветные Мечты. Неважно, кто вы, неважно, где вы, неважно, что происходит вокруг, «Магия» сделает вашу жизнь изумительной!

«Герой»

Ты был рожден, чтобы сделать нечто такое, на что не способен ни один из семи миллиардов. Но как найти и осуществить свою величайшую мечту? Как проложить себе путь через препятствия и преодолеть трудности? Эта книга ? карта твоей жизни и она покажет тебе, как прийти оттуда, где ты сейчас, к самой счастливой, богатой, совершенной и ослепительной жизни, о какой ты

когда-либо мечтал.

«Перекресток»

Жизнь – это неограниченное количество перекрестков. В какую сторону свернуть и по какой дороге продолжить свой путь? «Перекресток» – одна из гипотез, отвечающих на вопрос: «Зачем мы приходим в этот мир и в чем смысл нашего существования?» Вдохновляющая психологическая повесть с увлекательным сюжетом и философским подтекстом.

Предисловие

Кто не усомнился бы, услышав утверждение, будто некто провел выходные с Богом, и не где-нибудь, а в заброшенной хижине?

Я знаком с Маком чуть больше двадцати лет, с того дня, когда мы оба пришли на помощь соседу, чтобы собрать в тюки сено, которое он заготовил для пары своих коров. С тех пор мы с Маком, выражаясь на молодежном жаргоне, тусуемся вместе, пьем кофе – хотя в моем случае это обжигающий чай. Общение приносит нам удовольствие, оно окрашено радостью, но порой в уголке глаз блеснет слезинка. Откровенно говоря, чем старше мы становимся, тем больше тусуемся, если вы понимаете, что я имею в виду.

Его полное имя Макензи Аллен Филлипс, хотя многие знакомые зовут его Алленом. По семейной традиции мужчинам всегда дают одинаковое первое имя, поэтому люди обычно знают их под вторым именем, вероятно, чтобы избежать манерного обозначения цифрами I, II, III или добавления уточнений вроде «младший» и «старший». Подобные имена хороши для персонажей телерекламы, в особенности для тех, кому нравится изображать близкого друга. Таким образом, он сам и его дед, отец, а теперь и его старший сын носят имя Макензи, но обычно к ним обращаются по второму имени. Лишь Нэн, его жена, да ближайšie друзья называют его Маком (впрочем, несколько раз я слышал, как посторонние люди кричали: «Эй, Мак, где ты учился водить машину?»).

Мак родился на Среднем Западе, в семье фермеров с ирландскими корнями. В семье с детства приучали к физическому труду и строгим правилам в быту. Его отец хотя и служил церковным старостой, нередко уходил в запой, особенно в засушливое время или когда дожди случались слишком рано, а также в перерывах между засухой и дождями. Мак о нем почти ничего не рассказывал, но если все-таки заводил разговор на эту тему, то его лицо становилось непроницаемым, а взгляд – потухшим. По обрывкам его рассказов я понял, что его отец не относился к тем добродушным алкоголикам, которые, напиваясь, со счастливой улыбкой заваливаются спать; напротив, напившись, он сначала избивал жену, а потом просил у Бога прощения.

Переломный момент в жизни семьи наступил после одной исповеди. Тогда тринадцатилетний Макензи без всякого желания с его стороны согласился пойти к священнику. Поддавшись сиюминутному порыву, он со слезами покаялся, что ни разу не попытался защитить мать, когда отец нещадно бил ее. Увы, Мак не принял во внимание, что священник молился вместе с его отцом. Вернувшись домой, мальчик увидел, что отец уже поджидает его на крыльце, а мать и сестры подозрительно отсутствуют. Позже он выяснил, что их отправили к тетушке Мэй, чтобы отец мог надлежащим образом привить непокорному сыну уважение к старшим. Отец привязал Мака к большому дубу и почти два дня наставлял его то ремнем, то чтением Библии, а едва протрезвев, снова прикладывался к бутылке.

Спустя две недели, как только Мак встал на ноги, он ушел из дома. Но накануне насыпал крысиного яда во все бутылки со спиртным, какие ему удалось отыскать на ферме. Затем он выкопал из тайника возле отхожего места небольшую жестяную коробку, в которой хранил свои сокровища: семейную фотографию, на которой все шурились, потому что слепило солнце (отец стоял в сторонке от остальных); бейсбольную карточку с Люком Истером за 1950-й год, когда началась карьера этого игрока; флакончик с остатками духов «Ма Грифф» (единственные духи, какими пользовалась его мать); катушку ниток с парой иголок; серебристую литую модель самолета «F-86» ВВС США и накопления всей его жизни – пятнадцать долларов и тринадцать центов. Пока отец похрапывал после очередной попойки, он тайком проник в дом и сунул под подушку матери записку. В ней было написано: «Надеюсь, когда-нибудь ты меня простишь». Поклялся, что не вернется, и не возвращался – очень долго.

В тринадцать лет трудно прожить в одиночку, но у Мака не было выбора, и ему пришлось приспособливаться. Он редко делился тем, как прожил последние

семь лет. Большую часть этого времени он провел в чужих краях, работал и посылал бабушке и деду деньги, чтобы они передали их матери. В какой-то далекой стране, судя по его рассказу, он даже участвовал в вооруженном конфликте и с тех пор люто ненавидит войну. Когда ему было за двадцать, он отправился в Австралию. Там он поступил в семинарию и некоторое время изучал теологию и философию, а затем вернулся в Штаты. Он встретился с матерью и сестрами и вскоре перебрался в Орегон, где познакомился с Нэннетт А. Сэмюэльсон и женился на ней.

В мире рассказчиков Мак – мыслитель и деятель. Он не проронит ни слова, если только вы не спросите его о чем-нибудь напрямую, чего большинство народа предпочитает не делать. А когда он начинает говорить, в вас зарождается сомнение: уж не пришелец ли это с другой планеты, который человеческие мысли и поступки воспринимает совершенно иначе, чем остальные.

Дело в том, что он обычно чувствовал себя неуютно в мире, где большинство людей способны услышать лишь то, что они хотят слышать, а значит, совсем немного. Те, кто с ним знаком, как правило, относятся к нему неплохо, правда, до той поры, пока он держит свои мысли при себе. Но даже когда он начинает говорить, дело совсем не в нем – просто в них пробуждается недовольство собой.

Мак как-то сказал мне, что в молодости он был более открытым, но со временем понял, что подобные разговоры служили лишь защитной реакцией; часто разговор заканчивался тем, что он выливал свою боль на окружающих. Он говорит, что указывал людям на их недостатки и, унижая других, возвеличивал себя, испытывая при этом ложное чувство собственного превосходства и власти над ними.

Пишу эти строки и мысленно представляю себе Мака таким, каким знал его: обычный человек, внешне ничем не примечательный для тех, кто не знает его по-настоящему. Ему скоро стукнет пятьдесят шесть; это чуть полноватый, лысеющий, невысокий белый мужчина. Вы, вероятно, даже не обратите на него внимания и не заметите ничего необычного, сидя рядом с ним в автобусе, пока он дремлет во время своей еженедельной поездки в город на деловую встречу. В основном он работает в своем маленьком кабинете дома, на Уайльдкэт-роуд. Он продает какие-то товары из сферы высоких технологий и технических новинок – не стану даже притворяться, будто что-то смыслю в том, – которые непостижимым образом ускоряют жизнь, словно жизнь недостаточно

быстротечна.

Вам невдомек, насколько Мак умен, пока вам не доведется услышать его разговор с каким-нибудь специалистом. Я однажды присутствовал при подобной беседе: его язык вдруг стал мало похожим на разговорный, и я поймал себя на том, что усиленно пытаюсь уловить ход его мысли, которая разливается, словно река по драгоценным камням. Он в состоянии поддержать разговор практически на любую тему, и хотя вы понимаете, что у него есть твердые убеждения, он ведет себя столь деликатно, что позволяет вам оставаться при своем мнении.

Его излюбленные темы – Бог и Творение, а еще почему люди порой слепы. Глаза его загораются, опущенные уголки губ в улыбке поднимаются кверху, а обычное усталое выражение лица исчезает; он становится похожим на маленького мальчика, который не скрывает своих эмоций. В то же время он не фанатичен. Пожалуй, его отношение к религии и, возможно, даже к Богу можно охарактеризовать двумя словами: любовь-ненависть. Вполне возможно, что даже Бога он считал высокомерным и отрешенным. Сдержанность Мака порой давала сбои, и тогда выступали шипы сарказма; они были похожи на острые дротики, отравленные ядовитым источником, спрятанным глубоко внутри него. Хотя мы оба посещаем по воскресеньям одну и ту же церковь с ее традиционными скамьями и пюпитрами (церковь Пятьдесят пятой независимой ассамблеи святого Иоанна-крестителя, как мы ее называем), я вижу, что ему там не по себе.

Мак прожил с Нэн больше тридцати по большей части счастливых лет. Он говорит, что Нэн спасла ему жизнь и дорого заплатила за это. По какой-то неведомой мне причине, она, по-видимому, любит его сейчас даже сильнее, чем раньше. Впрочем, мне кажется, что в молодости он сильно чем-то ее обидел. Многие наши обиды пронизывают взаимоотношения, и я знаю, что прощение остается незаметным для сторонних наблюдателей.

Как бы то ни было, Мак женат. Нэн, подобно цементному раствору, скрепляет семейный очаг. Пока Мак сражается в мире, окрашенном в бесчисленное количество оттенков серого, она живет в черно-белом мире. Здравый смысл проявляется в ней настолько естественно, что она даже не считает его даром Божьим. Семейные заботы не позволили ей осуществить мечту своей юности и стать врачом, но, работая медсестрой, она преуспела, и ее имя получило известность в медицинских кругах, поскольку она имела дело с особенными пациентами – с неизлечимыми онкологическими больными. И если Маку

свойственна широта понимания веры, то Нэн – глубина.

Эти, казалось бы, не очень подходящие друг другу люди произвели на свет пятерых необычайно красивых детей. Мак любит пошутить, что свою красоту они унаследовали именно от него, «поскольку красота Нэн осталась при ней». Двое из трех мальчиков уже живут отдельно: Джон недавно женился и занимается продажами в одной из местных компаний; Тайлер окончил колледж, получил степень магистра, переехал и теперь преподает в школе. Джош и одна из девочек, Кэтрин (Кейт), пока еще живут с родителями и учатся в местном колледже. И последний, поздний ребенок, Мелисса, или Мисси, как мы любили ее называть, она... впрочем, скоро вы узнаете о них куда больше, прочитав эту книгу.

За последние годы Мак очень изменился. Сколько помню, он всегда был мягким и добросердечным малым, но после того как три года назад оказался в больнице, он превратился в одного из тех редких людей, с которыми чувствуешь себя особенно уютно, как ни с кем другим. Когда мы прощаемся, меня не покидает чувство, будто только что в моей жизни состоялась самая важная беседа, пусть даже говорил в основном я. А что касается отношения к Богу, то Мак теперь не растекается вширь, а устремлен вглубь. Однако подобное погружение ему обошлось слишком дорого.

Сейчас он ведет себя иначе, не как лет семь назад, когда в его жизни поселилась Великая Скорбь и он замкнулся в себе. В то время, словно между нами была негласная договоренность, мы с ним почти не общались. Я изредка встречал его в бакалейной лавке и еще реже в церкви, и хотя мы обменивались дружескими объятиями, но почти не разговаривали. Он даже избегал смотреть мне в глаза, видимо опасаясь затрагивать тему, которая могла растревожить измученную душу.

А нынешние перемены произошли после ужасной трагедии с... Ну вот, я опять забегаю вперед. Всеу свое время. Достаточно сказать, что за последние несколько лет Мак вернулся к жизни и его больше не тянет на дно бремя Великой Скорби; в нем зазвучала иная музыка, и я сгораю от нетерпения, когда можно будет исполнить для вас эту мелодию.

Несмотря на то что Мак умеет прекрасно излагать свои мысли в ходе беседы, тем не менее он чувствует себя неуверенно, когда дело доходит до письма, к которому, как он знает, у меня особая страсть. Поэтому он и попросил меня

записать эту историю «для детей и Нэн». Это было важно для того, чтобы они поняли, как сильно он их любит и что творится в его внутреннем мире. Вам знакомо это место – то место, где в полном одиночестве пребываете вы и, возможно, Господь Бог, если вы в Него верите. Впрочем, Бог может присутствовать там, даже если вы в Него не верите. Это очень на Него похоже.

Все, о чем вам предстоит узнать, на протяжении многих месяцев мы с Маком пытались излить на бумагу. Все это лишь малость... в общем, это лишь часть невероятной истории. Насколько правдивы отдельные эпизоды этого повествования, судить не мне. Достаточно сказать, что, хотя описанное здесь событие не имеет под собой научной подоплеки, оно тем не менее может оказаться правдой. Признаюсь, меня до глубины души волнует то, что я сам стал частью этой истории, побывал там, где никогда раньше не был, и не думал даже, что подобные места вообще могут существовать. Скажу как на исповеди: мне ужасно хочется, чтобы все рассказанное Маком оказалось правдой. Большую часть времени я провожу с ним, но бывают дни, когда осязаемый мир из бетона и компьютеров кажется подлинным, тогда я теряю нить, и меня одолевают сомнения.

И еще несколько предварительных замечаний. Если вдруг эта история придется вам не по душе, Мак скажет только: «Прошу прощения, но изначально это писалось не для вас». Еще раз повторюсь: возможно, это происходило на самом деле. То, что вы прочтаете, – это все, что запечатлела память Мака. Это его история, а не моя, поэтому в тех единичных эпизодах, где речь идет обо мне, я говорю о себе в третьем лице.

Память – ненадежный друг, особенно когда это касается катастрофы, и я не удивлюсь, если, несмотря на наши старания передать все как было, всплывут фактологические ошибки или искаженные воспоминания. В этом нет никакой преднамеренности. Гарантирую, что диалоги и события воспроизведены настолько правдиво, насколько сумел передать их Мак, поэтому прошу вас проявить к нему снисходительность. Вы сами увидите, что рассказывать о подобном не так-то просто.

Вилли

На перепутье

На середине жизни – развилка двух дорог.

Я слышал мудрого слова,

Как выбрал он тропу, что хожена едва,

И изменить потом уж ничего не мог.

Ларри Норман (приношу извинения Роберту Фросту)

На редкость бесснежную зиму сменил дождливый март. Холодный атмосферный фронт, прорвавшийся из Канады, блокировал ураганный ветер, устремившийся по каньону с Восточного Орегона. Весна была уже на пороге, однако бог зимы не собирался передавать бразды правления. Горные хребты окутало снежное покрывало, и дождь, падавший на холодную землю вокруг дома, превращался в лед – ну разве не повод для Мака уютно устроиться с книжкой и кружкой горячего сидра у жаркого, потрескивающего камина?

Но вместо этого Мак провел все утро за компьютером. Удобно устроившись в своем кабинете, в пижамных штанах и футболке, он занимался продажами, в основном на Восточном побережье. Он часто отвлекался, вслушиваясь в перезвон льдинок, бьющихся о стекла, наблюдая, как пейзаж за окном неспешно, но неумолимо скрывается под ледяной коркой. Мак с восторгом ощутил себя в ловушке, словно он стал узником ледяного плена в собственном доме.

Какое же это удовольствие, когда ураган нарушает привычную рутину! Снег или ледяной дождь внезапно освобождает тебя от ожиданий и обязательств, от бремени деловых встреч и планов. В отличие от болезни, удела отдельных людей, непогода касается каждого. Ты почти слышишь, как единый вздох облегчения исходит от соседнего городка и его окрестностей, которым вмешательство Природы позволило сделать передышку в утомительной людской суете. Все пострадали от ненастья, и не было нужды искать оправданий. Нет никакой необходимости извиняться за нарушенные обязательства – все

понимают: причина действительно уважительная. Неожиданная пауза в тягостном ритуале текущих дел наполняет сердце весельем.

Разумеется, справедливо и то, что стихия помеха бизнесу, и пока одни компании приумножают прибыль, другие несут убытки; иными словами, находятся те, кто не испытывает радости от вынужденного простоя. Но им некого винить за спад производства или снежные заносы, помешавшие добраться до офиса. И даже если ураган продержится не дольше двух-трех дней, каждый ощущает себя хозяином положения единственно потому, что капли воды замерзли, прежде чем упасть на землю.

В такой ситуации даже обыденные дела становятся необычными. После обеда Мак вышел на улицу, прилагая недюжинные усилия, чтобы добраться по длинной подъездной дорожке до почтового ящика. Лед как по волшебству превратил это простое ежедневное действие в опасную затею. Мак пытался противостоять буйному напору стихии, словно бросал вызов. Тот факт, что никто не стал свидетелем его отваги, не имел особого значения, но сама мысль об этом вызывала улыбку на его лице.

Ледяные дробинки обжигали щеки и руки, пока он осторожно преодолевал чуть заметные неровности на скользкой подъездной дорожке; он сам себе казался подвыпившим матросом, который настойчиво стремится попасть в пивную. Когда в лицо бьет ледяной ураган, очень трудно передвигаться с видом непоколебимой уверенности. Буря показала свой нрав, и Мак дважды поднимался с колен, прежде чем наконец-то приник к почтовому ящику, словно это давно потерянный друг.

Он замер, наслаждаясь красотой пейзажа в хрустальной огранке. Все вокруг источало свет и вносило свою лепту в горделивое сияние уходящего дня. Деревья в ближайшем поле облачились в прозрачные мантии и царственно застыли. Ослепительный сказочный мир на мгновение заставил Мака забыть о Великой Скорби.

Он почти минуту сбивал лед, крепко запечатавший дверцу почтового ящика. Как награду за усердие, он достал из ящика конверт с напечатанной на нем фамилией Мака: ни марки, ни штемпеля, ни обратного адреса. С любопытством он надорвал конверт; это было непросто сделать, если принять во внимание, что пальцы свело от холода. Он повернулся спиной к ветру, от которого захватывало дух, встряхнул конверт и на выпавшем прямоугольнике бумаги прочел

напечатанные на машинке слова:

Макензи!

Прошла целая вечность. Я скучаю по тебе. В следующие выходные буду в хижине на случай, если ты захочешь повидаться.

Папа

Мак окаменел. Его сковал прилив дурноты, которая быстро переросла в приступ гнева. Он старался не думать об этой хижине, но порой невольно вспоминал о ней, и всегда с недоброй усмешкой. Это, наверное, чья-то злая шутка. А подпись «Папа» просто убивает!

- Идиот, - пробормотал он, подумав о почтальоне Тони, дружелюбном итальянце с добрым сердцем и явным отсутствием такта.

Как он вообще мог опустить в ящик такой странный конверт? На нем даже нет марки. Мак сердито запихнул конверт и записку в карман пальто и повернулся, чтобы начать скольжение в сторону дома. Теперь порывы ветра били в спину. К ящику он пробирался, преодолевая сопротивление урагана, а сейчас ветер подгонял его по скользкому льду в сторону дома.

Мак благополучно преодолел большую часть пути, пока не добрался до того места, где дорожка сворачивала влево и был небольшой уклон. Без всяких усилий он ускорил шаг. Подошвы заскользили, и он чувствовал собственную беспомощность, словно утка на замерзшем водоеме. Отчаянно балансируя руками и стараясь удержать равновесие, Мак понял, что его несет прямо на одинокое дерево, растущее у дорожки, нижние ветви которого он срубил несколько месяцев назад. И теперь оно было готово распахнуть свои объятия, судя по всему, с явным намерением взять небольшой реванш. Оценив ситуацию, он попытался приземлиться на мягкое место – уж лучше получить синяки, чем занозы на лице.

Всплеск адреналина выбил из равновесия, и, словно в замедленной съемке, Мак увидел, как его ноги устремились вверх, будто он попал в ловушку в джунглях. Он ударился затылком и затормозил у самого ствола дерева, которое свысока смотрело на него, как бы выражая легкую досаду.

Мир мгновенно померк, во всяком случае, так показалось Маку. Он лежал, нокаутированный ударом, и смотрел в небо, подставляя пылавшее лицо под ледяную россыпь дождя. Вскоре появилось ощущение странного тепла и покоя, а вспышка ярости погасла.

– Ну и кто здесь идиот? – спросил он себя, надеясь, что никто его не видел.

Струи дождя затекали под пальто и свитер, и Мак понимал, что скоро продрогнет до костей. Он по-стариковски приподнялся на четвереньки, стоная от боли, и лишь сейчас заметил алый след, ведущий к месту его падения. Тупая боль пронзила весь затылок. Он спонтанно протянул руку к голове, и ладонь окрасилась кровью.

Царапая ладони и колени о шершавый лед и колкий гравий, Мак наполовину полз, наполовину скользил, пытаясь выбраться на ровный отрезок дорожки. Собрал все свои силы, он поднялся на ноги и поплелся к дому, поверженный мощью льда и земного притяжения.

Оказавшись в доме, Мак начал стаскивать с себя одежду, но окоченевшие пальцы не слушались. Он скинул промокшую, перепачканную кровью одежду у входной двери и, опираясь руками о стены, со стоном направился в ванную, чтобы осмотреть рану. Разбитая голова сочилась кровью, несколько крошечных камешков прилипли к волосам. Он ощутил огромную шишку, напоминавшую горб кита, вынырнувшего из недр океана.

При помощи маленького зеркальца он старался разглядеть отражение затылка в зеркале ванной. Однако руки не слушались и не двигались в нужном направлении, поэтому он оставил затею с зеркалами. На ощупь он удалил самые крупные частички мусора, прилипшие к голове, и вдруг почувствовал резкую боль. Схватив из аптечки средство для неотложной помощи, он наскоро смазал рану, а затем забинтовал найденным в шкафчике бинтом и обвязал голову полотенцем. Он взглянул на себя в зеркало и усмехнулся: чем не матрос из «Моби Дика»?

Не оставалось ничего иного, как ждать возвращения Нэн, которая окажет ему квалифицированную помощь – это одна из привилегий мужа профессиональной медсестры. Кроме того, чем хуже он будет выглядеть, тем на большее сочувствие можно рассчитывать. Любое испытание должно быть вознаграждено,

если оно было достаточно серьезным. Он выпил пару обезболивающих таблеток, чтобы заглушить пульсацию ноющего от боли затылка, и поковылял к входной двери.

Мак все время помнил о записке. Обшарив груды мокрой грязной одежды, он наконец нашел ее в кармане пальто и зашаркал в сторону кабинета. Отыскав в справочнике телефон почты, набрал нужный номер. Как он и ожидал, трубку сняла Анни, начальница почтового отделения и хранительница чужих тайн.

- Привет, случайно, нет Тони поблизости?

- Привет, Мак! Это ты? Узнала тебя по голосу. - Ну конечно, узнала. - Извини, но Тони еще не вернулся. Я только что говорила с ним по рации, он на полпути к Уайльдкэт. Хочешь, свяжусь с ним и попрошу позвонить тебе? Может, что-нибудь ему передать?

- Это ты, Анни? - переспросил он, хотя без всяких сомнений узнал говор уроженки Среднего Запада. - Прости, я сейчас был занят. Не расслышал ни слова.

Она засмеялась:

- Слушай, Мак, я знаю, что ты услышал каждое слово. Не вчера на свет появилась. Что ему передать, если он все же вернется?

- Да ты уже ответила на мой вопрос.

На другом конце провода повисло молчание.

- А ты задал вопрос? Странно... Что с тобой, Мак? По-прежнему куришь много дури или ты делаешь это только по воскресеньям, чтобы скоротать время церковной службы? - Она захлебнулась от хохота в приступе величия собственного чувства юмора.

- Слушай, Анни, ты же знаешь: я не курю дурь - никогда этого не делал и не собираюсь. - Разумеется, Анни ничего такого не знала, но Мак решил подстраховаться, кто знает, что она вспомнит из их разговора через день-

другой. Ее чувство юмора не раз на пустом месте раздувало веселенькую историю, которая вскоре превращалась в «факт». Он уже мысленно представил свое имя в списке тех, за кого надо помолиться. – Ну ладно, не беда, поговорю с Тони в другой раз.

– Как скажешь. Ты лучше посиди дома, так спокойнее. Знаешь, парни вроде тебя с возрастом теряют чувство равновесия. Не хочу, чтобы ты поскользнулся и ушиб свои достоинства. Если погода ухудшится, Тони может и вовсе до тебя не добраться. Мы справляемся со снегом, слякотью и темнотой, но сегодняшней град – это настоящий вызов.

– Спасибо, Анни. Постараюсь не забыть твой совет. Потом поговорим. Пока.

Голова трещала еще сильнее, словно крошечный молоток бил в такт его сердца. «Странно, – подумал он, – кому вздумалось положить конверт в наш почтовый ящик?» Болеутоляющее еще не подействовало, но приглушило тревогу и наваяло страшную усталость. Он опустил голову на письменный стол, и на мгновение, как ему показалось, погрузился в сон. Его разбудил телефонный звонок.

– А... алло?

– Привет, дорогой. Ты что, заснул?

Звонила Нэн. Ее голос звучал на редкость бодро, хотя он уловил привычную затаенную грусть, которая слышалась в любом их разговоре. Она любила такую погоду не меньше, чем он. Он зажег настольную лампу, взглянул на часы и удивился, что проспал пару часов.

– Ага, извини. Кажется, я немного вздремнул.

– Что-то голос у тебя какой-то слабый. Все в порядке?

– Угу. – За окном было довольно темно, однако Мак видел, что буря не унималась. Снежный покров наверняка подрос сантиметров на пять. Ветви дерева склонились до самой земли. Он поймал себя на мысли: если поднимется ветер, какая-нибудь ветка обязательно сломается. – У меня произошло

небольшое ЧП на нашей дорожке, когда я выходил посмотреть почту, все остальное в полном порядке. А ты где?

– Я по-прежнему у Арлин. Думаю, нам с детьми лучше переночевать здесь. Семейное окружение идет Кейт на пользу... кажется, она начинает восстанавливать душевное равновесие. – Арлин, сестра Нэн, жила за рекой, в штате Вашингтон. – В такую погоду лучше не выходить из дома. Надеюсь, к утру все утихнет. Жаль, что мы не успели попасть домой до урагана, ну да что теперь говорить об этом. – Она помолчала. – Как там дома?

– Хорошо, вокруг потрясающе красиво, но безопаснее смотреть на это из окна, чем гулять, поверь. Я даже слышать не хочу о твоём возвращении домой в такую непогоду. Никто никуда не едет. Вряд ли Тони удастся доставить нам почту.

– А я думала, ты уже ее получил, – удивилась она.

– Нет, почты не было. Я думал, что Тони уже приезжал, поэтому вышел проверить. Но. – Он колебался, глядя на записку, которая лежала на письменном столе. – Ящик был пуст. Я позвонил Анни. Она сказала, что Тони, возможно, не сумеет подняться на наш холм. Лично я не собираюсь еще раз выходить из дома, чтобы проверить, удалось ли это ему. Кстати, – он быстро сменил тему разговора, желая избежать ненужных вопросов, – как там Кейт?

Последовало молчание, затем раздался долгий вздох. Когда Нэн заговорила, то перешла на шепот, и он понял, что супруга на другом конце линии прикрывает трубку рукой.

– Хотела бы я знать, Мак. С ней говорить что с камнем. Чего я только не делала, чтобы расположить ее. Среди родных она немного оттаивает, а потом снова прячется в свою раковину. Я просто не знаю, как быть. Все молюсь и молюсь, чтобы Папа помог нам достучаться до нее, но... – Она снова смолкла. – Чувствую, что он нас не слышит.

Папа – любимое общение Нэн к Богу, выражавшее ее восторг и глубокую привязанность к Нему.

– Милая, я уверен, Господь ведаёт. Все наладится. – Эти слова не принесли ему облегчения, но ему хотелось успокоить тревогу, прозвучавшую в ее голосе.

– Я знаю, – вздохнула она. – Надеюсь, Он поспешит.

– И я тоже, – только и смог вымолвить Мак. – Хорошо, оставайся с детьми на ночлег, не рискуйте. Передай привет Арлин и Джимми, поблагодари от моего имени. Надеюсь, завтра увидимся.

– Хорошо, дорогой. Мне надо помочь остальным. Все суетятся и ищут свечи – электричество могут отключить. Тебе бы тоже не мешало об этом побеспокоиться. Свечи есть в подвале, а в морозильнике лежат пирожки, их можно разогреть. У тебя действительно все в порядке?

– Ну, больше всего пострадала моя гордость.

– Не обращай внимания. Надеюсь, завтра увидимся.

– Хорошо, дорогая. Берегите себя. Позвони, если вам что-нибудь понадобится. Пока.

«Какая глупость – говорить такое», – подумал он, повесив трубку. Разве он сможет помочь, если им действительно что-то понадобится?

Мак сидел и смотрел на письмо. Он был озадачен и пытался разобраться в какофонии тревожных чувств и смутных образов – миллион мыслей пронеслись в голове со скоростью миллион километров в час. Наконец он встал, сложил записку, бросил ее в жестяную банку и затем выключил свет.

Мак нашел еду, которую можно было разогреть в микроволновке, взял подушку с одеялом и направился в гостиную. Взглянул на часы: началась программа Билла Мойерса[1 - Билл Мойерс (род. 1934) – американский журналист и политический обозреватель; в 1965–1967 гг. работал пресс-секретарем Белого дома. – Здесь и далее примеч. ред.] – его любимая телепередача, которую он старался не пропускать. Мойерс принадлежал к тем немногим людям, с кем Мак хотел бы познакомиться; блистательный и прямой, способный с поразительной откровенностью выразить свои мысли и проявить искреннее сострадание к людям. Один из сюжетов этого вечера был посвящен нефтепромышленнику, который неожиданно начал заниматься добычей... воды.

Привычным жестом, не отрывая взгляда от экрана, Мак протянул руку к краю стола, взял рамку с фотографией маленькой девочки и прижал ее к груди. Другой рукой он натянул одеяло до подбородка.

Вскоре в комнате раздавалось похрапывание. По телевизору показывали сюжет о выпускнике средней школы из Зимбабве, которого избили за антиправительственные выступления. Однако Мак уже боролся со сновидениями: возможно, сегодня он не увидит кошмаров, возможно, ему приснятся лед, дерево и его падение.

Глава 2

Сгущающаяся тьма

Ничто не делает нас такими одинокими, как наши тайны.

Поль Турнье

Ночью подул чинук[2 - Чинук (англ, chinook) – юго-западный теплый и сухой ветер на восточных склонах Скалистых гор в США, в штатах Монтана, Орегон и Вашингтон, резко повышающий температуру воздуха (иногда более чем на 30 °С), что вызывает бурное таяние снега в горах.], освобождая от ледяного плена долину реки Уилламетт, оставляя снежную корку лишь на участках, окутанных густой тенью. Всего за сутки пришло весеннее тепло. Мак заснул уже под утро; его сон без сновидений, кажется, длился всего миг.

Когда он наконец встал с дивана, то немного огорчился, потому что от ледяных безумств не осталось и следа, зато он был рад видеть Нэн и детей, которые приехали меньше чем через час. Он получил заслуженную взбучку за то, что не положил испачканные кровью вещи в стирку, затем последовали охи и ахи, которыми сопровождался осмотр его травм. Такое внимание польстило Маку. Нэн обработала рану, наложила повязку и накормила его. Записка не выходила у Мака из головы, но он даже не упомянул о ней. Он так и не решил, что бы это значило, и не хотел, чтобы Нэн узнала о письме, если это обернется чьей-то бессердечной шуткой.

Небольшое переключение вроде этой ледяной бури всегда оказывалось кстати; оно ненадолго отвлекло Мака от неотступного присутствия его неизменного спутника – Великой Скорби, так он называл его. Она дала о себе знать на исходе лета, когда исчезла Мисси; Великая Скорбь легла на плечи Мака невидимым, но тяжким бременем. От этого груза взор его потух и опустились плечи. Любые попытки сбросить бремя были изнурительными и напрасными, как будто эта ноша стала частью его натуры. Он ел, работал, любил, видел сны и играл в этом гнетущем одеянии, которое давило на него и вынуждало ежедневно преодолевать серую тоску, пожирившую все краски.

Временами он ощущал, как Великая Скорбь, подобно удушающим кольцам удава, медленно сдавливает ему грудь и сердце и выжимает влагу из глаз до тех пор, пока, казалось, запас слез не иссякнет. Иногда ему чудилось, что он вязнет по колено в глине, и вдруг замечает Мисси, бегущую по лесной тропинке, ее летний красный сарафан из хлопка с цветочным узором мелькает между деревьями. Она не видит, что за ней крадется черная тень. Он пытается кричать, желая предупредить дочку, но не может издать ни звука; и каждый раз оказывается слишком медлительным и бессильным, чтобы ее спасти. После таких кошмаров он просыпался в холодном поту; на него накатывала дурнота, чувство вины и раскаяние, словно какой-то сюрреалистский прилив.

История исчезновения Мисси, к несчастью, ничем не отличается от других подобных историй. Все случилось во время празднования Дня труда[3 - День труда (англ. Labor day) – национальный праздник в США, отмечаемый в первый понедельник сентября.] – накануне нового учебного года и сезонных хлопот. Мак принял смелое решение взять троих младших детей в поход с палатками на озеро Валлова, расположенное на северо-востоке штата Орегон. Нэн записалась на курсы повышения квалификации в Сиэтле, а двое старших мальчиков вернулись в колледж. Мак был уверен в себе: он опытный турист и сумеет позаботиться о детях. Надо отдать должное Нэн, он отлично подготовлен.

Всех охватил дух приключений и походная горячка; сборы превратили дом в бурный водоворот. Мак подогнал фургон к входной двери, чтобы погрузить в него необходимые для долгих выходных вещи. В какой-то момент Мак решил передохнуть, согнал со стула кота по кличке Иуда и уселся на его место. Он намеревался включить телевизор, когда в комнату вошла Мисси с небольшой коробкой из плексигласа в руках.

– Можно взять в поход мою коллекцию насекомых? – спросила Мисси.

- Ты хочешь взять своих жуков? – рассеянно переспросил Мак.

- Папа, это не жуки. Это насекомые. Смотри, их тут много.

Мак нехотя переключился на дочь, которая, видя его внимание, начала рассказывать о своем сокровище.

- Смотри, вот два кузнечика. А на этом листочке моя гусеница, видишь, и где-то еще... Вот она! Видишь божью коровку? И еще есть муха и несколько муравьев.

Пока она рассказывала про свою коллекцию, Мак изо всех сил проявлял заинтересованность и постоянно кивал.

- Вот, – закончила Мисси. – Можно взять их с собой?

- Конечно, можно, милая. Наверное, мы даже позволим им погулять, пока нас не будет.

- Нет, нельзя! – донесся голос из кухни. – Мисси, милая, оставь насекомых дома. Поверь, здесь им будет лучше. – Нэн стояла в дверном проеме и хмурилась, глядя на Мака, который в ответ лишь пожал плечами.

- Не горюй, малышка, – прошептал он Мисси.

- Ну вот, – проворчала Мисси, но, понимая, что битва проиграна, взяла свою коробку и ушла.

К вечеру четверга фургон был загружен, а также проверена работа фар и тормозов в двухколесном автоприцепе с тентом. Рано утром в пятницу, после того как Нэн прочитала детям лекцию о соблюдении правил безопасности, послушании, утренней гигиене зубов, а также наставления не таскать за шкуру кошек с белыми полосками вдоль спинки и не делать множество разных вещей, они отбыли: Нэн – на север, в Вашингтон, по соединяющей штаты трассе 205, а Мак с тремя амиго – на восток, по шоссе 84. Планировали вернуться домой во вторник вечером, накануне первого учебного дня.

Ущелье реки Колумбия заслуживает того, чтобы там побывать: от здешних красот захватывает дух, а изрезанные рекой горы возвышаются, как сонная стража, в теплом небе позднего лета. Сентябрь и октябрь – лучшие месяцы в Орегоне. Бабье лето часто приходит как раз ко Дню труда и длится до самого Хеллоуина, потом становится холодно, мокро и противно. Тот год не стал исключением. Движение на дороге и погода были самые благоприятные, и они не заметили времени, проведенного в пути.

Они остановились у водопада Мултномах, чтобы купить книжку-раскраску, карандаши для Мисси и две недорогие водонепроницаемые фотокамеры для Кейт и Джоша. Потом решили прогуляться вдоль дороги до моста, чтобы полюбоваться водопадом. Раньше там проходила тропа, которая огибала озеро и вела в просторную пещеру, но, к сожалению, руководство парка запретило ходить по тропе из-за угрозы эрозии почвы. Мисси понравилось здесь, и она попросила отца рассказать легенду о прекрасной индейской девушке из племени мултномах. Пришлось уговаривать отца, но в конце концов Мак сдался и поведал эту историю, пока все они смотрели на туман, укрывший водопад.

Легенда повествовала о принцессе, единственной дочери, оставшейся у престарелого отца. Вождь горячо любил свою дочь и потому решил выдать ее замуж за молодого воина, вождя племени клатсоп, в которого она была влюблена. Оба племени собрались на свадьбу, однако в канун торжества вспыхнула ужасная болезнь, сразившая многих людей.

Старейшины и вожди собрались на совет, чтобы обдумать, как им бороться с напастью, которая косила их воинов. Старый шаман поведал, что, умирая, его отец предсказал ужасную болезнь, которая уничтожит род людской, и остановить ее может лишь невинная дочь вождя, готовая по доброй воле пожертвовать собой ради своего народа. Чтобы пророчество сбылось, она должна броситься с утеса над Большой рекой и разбиться о скалы.

Дюжина молодых женщин, дочери разных вождей, предстали перед советом. После долгих раздумий старейшины решили, что не вправе просить их о такой великой жертве, да и правдивость предания вызвала сомнения.

Однако недуг продолжал распространяться, и в конце концов жених, молодой вождь, тоже заболел. В сердце принцессы жила любовь, и она поняла, что пришло время действовать. Девушка дала жениху снадобье от жара, нежно поцеловала в лоб и под покровом ночи удалилась.

Она шла целую ночь и весь следующий день и наконец добралась до того места, о котором говорилось в легенде, – до высокого утеса, отражавшегося в Большой реке, и земли за ней. Помолившись, она вверила себя Великому Духу и исполнила пророчество, без колебаний бросившись со скалы...

Однако вернемся к обитателям племени. Наутро все заболевшие проснулись здоровыми и сильными. Царили великая радость и ликование, пока юный вождь не заметил пропажу его невесты. Когда разнеслась молва о том, что случилось, многие направились к утесу, где они ожидали найти дочь вождя. В молчании они окружили разбитое тело. В глубоком горе отец взывал к Великому Духу, моля, чтобы жертвоприношение его дочери осталось в веках. И в тот же миг со скалы потекла вода, превращаясь внизу в водяную пыль и образуя красивое озерцо.

Мисси не меньше Мака любила эту легенду, напоминавшую ей историю искупления Иисуса, которую она хорошо знала. В основе сюжета лежал рассказ об отце, боготворившем свое единственное дитя, и жертве, предсказанной пророком. Исполненное любви дитя с готовностью отдало жизнь, чтобы спасти возлюбленного и свой народ от неизбежной гибели.

Однако на сей раз Мисси не проронила ни слова, когда рассказ подошел к концу. Она повернулась и пошла к фургону, всем своим видом говоря: «Ладно, довольно. Поехали дальше».

Они остановились на короткий привал в Худ-Ривер, чтобы перекусить, а затем выехали на шоссе и добрались до Ла-Гранде к обеду. Здесь они съехали с трассы I-84, выехали на автобан Валлова Лейк и, преодолев сто пятнадцать километров, оказались в городке Джозеф. Озеро и туристский лагерь, куда они направлялись, находились в нескольких километрах, за городом, и, прибыв на место, они взялись за дело и быстро устроились, может быть, не совсем так, как хотелось бы Нэн, тем не менее обстоятельно.

Пикник был семейной традицией Филлипсов. Главное блюдо – говядина, замаринованная в особом соусе по рецепту дядюшки Джо. На десерт они ели брауни, испеченные Нэн накануне вечером, и ванильное мороженое, которое хранилось в сухом льду.

В тот вечер Мак, сидя в окружении троих беспечных и смеющихся детей, ощутил в своем сердце прилив радости. Закат переливался сияющими красками, и по

небу проносились облачка, которые ждали ветерка, чтобы стать главными персонажами в этом незабываемом действе. «Я богач, – думал Мак про себя, – богач во всех смыслах этого слова.

А тем временем ужин подошел к концу и опустилась ночь. Олени – обычные дневные гости, а иногда и немалая помеха – отправились восвояси. На смену им пришли ночные нарушители спокойствия: еноты, белки и бурундуки, которые группами рыскали в поисках любой незакрытой емкости. Филлипсам это было известно по опыту прежних походов. Их первая ночь на этой стоянке обошлась им в четыре десятка хрустящих рисовых палочек, коробку конфет и пакет арахисового печенья.

Пока было еще не очень поздно, четверка путешественников отправилась на небольшую прогулку, в стороне от лагерной стоянки и фонарей, направившись в темноту и тишину, чтобы полежать, глядя на Млечный Путь, невероятно величественный и потрясающе яркий вдали от огней города. Мак мог часами лежать и смотреть на этот простор с чувством внутреннего умиротворения. Существование Бога нигде не проявлялось так властно, как здесь, среди природы, под звездами. Ему чудился гимн Творцу, и в глубине сердца он невольно вторил ему как мог.

Потом они вернулись на стоянку, и, сделав все, что требовалось перед сном, Мак уложил детей в спальные мешки. Он помолился вместе с Джошем, прежде чем перейти к Мисси и Кейт, ожидавшим отца, однако когда настал черед Мисси, вместо молитвы она захотела поговорить.

– Папа, почему она должна была умереть? – Мак не сразу понял, о ком говорит Мисси: ну конечно, ее мысли заняты принцессой племени Мултномах.

– Милая, она не должна была. Она сама решила умереть, чтобы спасти свой народ. Все заболели, и она хотела их вылечить.

Наступило молчание, и Мак понял, что во тьме вызревает новый вопрос.

– А это было на самом деле? – Это спрашивала Кейт, которой тоже стало интересно.

– Что было на самом деле?..

- Индейская принцесса на самом деле умерла? Это правда?

Мак задумался, прежде чем отвечать.

- Не знаю, Кейт. Это же легенда, а некоторые легенды – просто поучительные истории.

- Значит, этого не было на самом деле? – спросила Мисси.

- Все может быть, дорогая. Иногда легенды основаны на настоящих историях, на реальных событиях.

Снова молчание, затем:

- Значит, смерть Иисуса— тоже легенда?

Мак почти слышал, как вертятся колесики в голове у Кейт.

- Нет, милая, это правдивая история. Знаешь, мне кажется, что история про индейскую принцессу тоже правдивая. – Мак подождал, пока девочки обдумают его слова.

Настала очередь Мисси задавать вопрос:

- А Великий Дух – это другое имя Бога, ну, Папы Иисуса, да?

Мак улыбнулся во тьме. Сказывалось влияние ночных молитв Нэн.

- Думаю, да. Это хорошее имя для Бога, потому что Он Дух и Он велик.

- Тогда почему Он такой плохой?

Так вот что ее тревожит.

- А что ты понимаешь под словом «плохой»?

– Ну, Великий Дух заставил принцессу прыгнуть с утеса, а Иисуса – умереть на кресте. Мне кажется, что это плохо.

Мак был поражен. Он не нашелся, что ответить. Девочка шести с половиной лет задавала вопросы, над которыми веками бьются мудрецы.

– Дорогая моя, Иисус не думал о Своем Отце плохо. Иисус знал, что в сердце Отца живет любовь, и Он очень любил Своего Сына. Отец не посылал Сына умирать. Иисус сам выбрал смерть, потому что Он и Его Отец любили и тебя, и меня, и все на земле. Он спас нас от болезни, как спасла принцесса.

На этот раз молчание затянулось, и Мак решил, что девочки заснули. Он уже собирался поцеловать их и пожелать доброй ночи, как вдруг тоненький голосок, в котором звучала дрожь, произнес:

– Папа?

– Да, милая?

– А мне когда-нибудь придется прыгать с утеса?

Сердце Мака дрогнуло, когда он понял истинную причину вопроса. Он обнял девочку и прижал к себе. Стараясь говорить непринужденно, он негромко ответил:

– Нет, милая. Я никогда не попрошу тебя прыгнуть с утеса, никогда-никогда.

– А Господь попросит меня прыгнуть с утеса?

– Нет, Мисси. Он никогда не попросит тебя так сделать.

Она прильнула к нему.

– Ладно! Обними меня крепко-крепко. Спокойной ночи, папа. Я тебя люблю. – И она погрузилась в глубокий сон, где были только добрые и сладкие сновидения.

Через несколько минут Мак бережно уложил ее в спальный мешок.

- Ты в порядке, Кейт? – шепотом спросил он.

- Угу, – тихо ответила она. – Папа?

- Да, милая?

- А Мисси задает хорошие вопросы, правда?

- Правда. Она удивительная девочка, вы обе удивительные, только ты уже не такая маленькая. А теперь спи, нам предстоит большой день. Сладких снов, дорогая.

- И тебе, папа. Я очень тебя люблю.

- Я тоже тебя люблю, всем сердцем. Спокойной ночи.

Мак расстегнул молнию, выбрался из-под тента, высморкался и вытер следы слез, оставшиеся на щеках. Он мысленно поблагодарил Господа, а потом пошел варить кофе.

Глава 3

Переломный момент

Душа исцеляется рядом с детьми.

Федор Достоевский

Национальный парк возле озера Валлова в Орегоне и его окрестности можно назвать Маленькой Швейцарией. Девственные зубчатые горы возвышаются почти на три километра, а между ними расстилаются бесчисленные долины с горными ручьями, туристскими тропами и высокогорными лугами,

раскрашенными головками дикорастущих цветов. Озеро Валлова – своеобразные ворота в заповедную часть Игл-Кэп и национальную зону отдыха «Адский каньон», который считается самым глубоким ущельем Северной Америки. На отдельных участках оно имеет глубину до шести с половиной километров и тянется на полтора десятка километров.

Семьдесят пять процентов территории зоны отдыха не имеет подъездных дорог, зато в парке проложено более полутора тысяч километров пешеходных троп. Когда-то здесь были владения индейцев племени нез-персе, знаки их быта встречаются в этих местах повсеместно, так же как и следы пребывания белых колонизаторов, которые двигались на Запад. Ближайший городок Джозеф назван в честь могущественного индейского вождя, чье имя на родном языке означало «раскат грома над горами». В этих краях разнообразная флора и фауна, включая лосей, медведей, оленей и горных коз. Здесь водятся гремучие змеи, особенно в пойме реки Снейк[4 - Snake (англ.) – змея. – Примеч. пер.], – весома причина внимательно смотреть под ноги, если вы рискнете сойти с тропы.

Озеро Валлова имеет восемь километров в длину и около полутора километров в ширину. Принято считать, что оно образовалось на месте ледника около девяти миллионов лет назад. Озеро расположено в полутора километрах от городка Джозеф на высоте одна тысяча триста сорок метров над уровнем моря. Вода в нем очень холодная на протяжении большей части года, однако в конце лета она немного прогревается, поэтому можно купаться на мелководье у берега. Заснеженные вершины Сакагавеа, высотой около трех километров, сверху глядят на эту голубую драгоценность.

Следующие три дня Мак с детьми развлекались и отлично проводили свой досуг. Мисси, по-видимому, удовлетворилась ответами отца и больше не вспоминала об индейской принцессе, даже когда однажды они снова оказались возле крутых скал. Они плавали на байдарке вдоль берега озера, попытались выиграть приз в мини-гольф и даже совершили конную прогулку. После утренней экскурсии на историческое ранчо Уэйд, расположенное на полпути между Джозефом и Энтерпрайзом, днем они решили походить по магазинчикам в самом Джозефе.

Вернувшись на стоянку, Джош и Кейт устроили забег на дорожке для картинга. Джош выиграл, но Кейт отыгралась в тот же день, когда позднее она выудила три отличные озерные форели. Мисси поймала одну на червя, а вот Джош и Мак остались без клева, несмотря на их отличные блесны.

В разгар отдыха они познакомились с двумя другими семьями и быстро нашли общий язык. Как часто бывает, сначала подружился ребенок, а потом уже взрослые. Джошу нетерпелось познакомиться с Дусеттами; их старшая дочь, Амбер, оказалась милой леди и была его ровесницей. Кейт изводила своего брата, отпуская шуточки в его адрес, и он выскакивал из-под тента, взрываясь от злости. У Амбер была сестра Эмми, всего на год младше Кейт, и обе девочки много времени проводили вместе. Викки и Эмиль Дусетты приехали из Колорадо, где Эмиль работал агентом в департаменте по рыболовству и охране дикой природы, а Викки вела домашнее хозяйство, в том числе ухаживала за их почти годовалым сыном Джей-Джей, рождение которого стало сюрпризом для всех.

Дусетты представили Мака и его детей канадской супружеской паре, с которой познакомились чуть раньше. Джесс и Сара Мэдисон держались непринужденно и просто, и Мак сразу принял их. Оба были независимыми консультантами: Джесс – специалист по работе с персоналом, а Сара занималась вопросами системного управления. Мисси быстро привязалась к Саре, и они часто заходили на стоянку Дусеттов, чтобы помочь Викки ухаживать за Джей-Джеем.

Понедельник начался великолепно. Все были в приподнятом настроении, предвкушая подъем по канатной дороге в окрестностях Валлова Лейк на вершину горы Ховард, расположенную на высоте около двух километров над уровнем моря. Трассу возвели в 1970 году. На тот период она считалась самым крутым подъемником в Северной Америке, а длина троса составляла примерно шесть с половиной километров.

Путешествие до вершины занимает около пятидесяти минут. Внизу, на высоте до тридцати пяти метров над землей, вагончик сильно раскачивало. Еду брать с собой не стали, так как Джесс с Сарой настояли на том, что они угостят всех обедом в «Саммит гриле». План был таков: перекусить на вершине, а потом прогуляться и посетить пять смотровых площадок. Взяв фотоаппараты, темные очки, бутылки с водой и солнцезащитный крем, утром компания тронулась в путь. Как и ожидалось, гамбургеры с жареной картошкой и напитки в «Гриле» понравились всем. Кажется, у всех разыгрался аппетит – даже Мисси осилила целый бургер и съела почти весь гарнир.

После обеда они посетили все ближайшие смотровые площадки. Самый протяженный переход был от «Панорамы долины» до «Змеиной реки» и «Семи

смотровых площадок Дьявола» (чуть больше одного километра). Со смотровой площадки «Панорама долины Валлова» перед взором предстали городки Джозеф, Энтерпрайз, Лостин и даже сама долина Валлова. На площадках «Королевский пурпур» и «Вершина» они наслаждались кристально чистым воздухом. Отсюда открывался вид на штаты Вашингтон и Айдахо. Кому-то даже показалось, что они видят, как Айдахо длинным узким выступом врезается в Монтану.

К концу дня все были усталые и счастливые. Мисси, которую Джесс нес на плечах до последних двух смотровых площадок, сейчас дремала на руках у Мака, пока они, с грохотом и скрипом, спускались с вершины. Четверо самых юных участников похода, включая Сару, припали к окнам, охая и ахая при виде красот, открывавшихся во время спуска. Дусетты сидели, взявшись за руки, и о чем-то говорили, а Джей-Джей спал на руках у отца.

«Сейчас один из тех редких и изумительных моментов, – подумал Мак, – которые вызывают восхищение и застают тебя врасплох. Если бы Нэн была рядом, все было бы просто идеально». Он переложил уснувшую Мисси поудобнее, откинул волосы со лба и взглянул на ее лицо. Пыль и пот утомительного дня почти не отразились на лице, но неожиданно подчеркнули ее невинность и красоту. «И зачем только они вырастают?» – подумал Мак и целовал дочь в лоб.

В тот же вечер все три семейства собрались со своей снедью на последний совместный ужин. На закуску приготовили лепешки тако с салатом и соусом и нарезали свежие овощи. Сара умудрилась приготовить шоколадный десерт из взбитых сливок, мусса, брауни и прочих лакомств, после чего все расслабились.

Когда ужин закончился, остатки еды отправили в холодильники, а посуду вымыли и убрали. Взрослые устроились вокруг пылающего костра и стали пить кофе, а Эмиль поделился своими приключениями: погони за контрабандистами, уничтожающими редкие виды животных, и ловля браконьеров и всех, кто охотится без разрешения. Он был искусным рассказчиком и припас немало занимательных историй. Мак в очередной раз понял: в мире есть много такого, о чем он даже не подозревает.

Вечер подходил к концу. Эмиль и Викки с уснувшим малышом первыми отправились спать. Джесс и Сара согласились подежурить у костра, пока девочки Дусеттов не наиграются и не вернуться на свою стоянку. Трое детей Филлипсов и двое Дусеттов-младших скрылись под тентом автоприцепа, чтобы

поделиться разными историями и секретами.

Как нередко случается, когда засиживаешься у лагерного костра, разговор перешел на личные темы. Саре, по-видимому, хотелось узнать как можно больше об остальных членах семьи Мака, в особенности о Нэн.

– А какая она, Макензи?

Мак не упускал возможности похвастаться своей женой.

– Ну, кроме того, что она прекрасна, – поверьте, говорю это не просто так: она действительно прекрасна и внешне и внутренне. – Он застенчиво посмотрел на Сару и Джесс, которые ему улыбались. Мак искренне скучал по жене и был рад тому, что сумерки скрывают его смущение. – Ее полное имя Нэннетт, но почти все зовут ее просто Нэн. У нее отличная репутация среди медиков, во всяком случае, на Северо-Западе. Она медсестра, работает с онкологическими пациентами, то есть с раковыми больными. Это тяжелый труд, но Нэн по-настоящему любит свое дело. Между прочим, она еще пишет статьи и иногда выступает на конференциях.

– Правда? – заинтересовалась Сара. – И о чем же были ее выступления?

– Она помогает людям осмыслить свои взаимоотношения с Богом перед лицом приближающейся смерти, – ответил Мак.

– Расскажи об этом подробнее, – попросил Джесс, который палкой ворошил угли, разговаривая с новой силой.

Мак колебался. Хотя он чувствовал себя непринужденно в обществе этой пары, тем не менее они не были его близкими друзьями, а разговор становился серьезнее, чем ему хотелось бы. Он попытался сформулировать краткий ответ.

– Нэн гораздо лучше разбирается в этом, чем я. Думаю, она воспринимает Бога по-своему, иначе, чем большинство людей. Она даже называет Его Папа, поскольку между ними тесные узы, если вы понимаете, о чем я говорю.

– Конечно, понимаем! – воскликнула Сара, а Джесс кивнул. – Это у вас семейная традиция называть Бога Папой?

– Нет, – ответил Мак с улыбкой. – Дети переняли привычку, но мне такое обращение кажется фамиллярным. Впрочем, у Нэн прекрасный отец, поэтому, наверное, ей это дается легко.

Фраза вырвалась невольно, и Мак напрягся, надеясь, что никто этого не заметил, однако Джесс смотрел прямо на него.

– Твой отец был не так хорош? – спросил он тихо.

– Да. – Мак помолчал. – Наверное, можно сказать, что он был не так хорош. Он умер, когда я был еще ребенком. – Мак засмеялся, но смех прозвучал неестественно. Он взглянул на пару. – Он напился до смерти.

– Как жаль, – ответила Сара за них обоих, и Мак почувствовал искренность ее сожаления.

– Что ж. – Мак попытался выдавить из себя улыбку. – Жизнь порой тяжела, но мне есть за что быть благодарным.

Повисло неловкое молчание, пока Мак размышлял, каким образом эти двое с такой легкостью преодолели все барьеры. Через секунду ситуацию разрядили дети, которые выскочили из-под тента и помчались к костру. К восторгу Кейт, они с Эмми заметили Джоша и Амбер в тот момент, когда те держались в темноте за руки, и теперь Кейт хотелось рассказать об этом всему миру. К тому времени Джош был уже настолько влюблен, что без раздражения принял выходку сестры. Он не смог бы стереть с лица немного глуповатую улыбку, даже если бы захотел.

Мэдисоны обняли на прощание Мака и его детей, желая им спокойной ночи, причем Сара обняла его особенно нежно. Затем, взяв за руки Амбер и Эмми, они скрылись в темноте, направляясь на стоянку Дусеттов. Мак смотрел им вслед, пока не смолкли их голоса и не исчез свет от фонариков. Он улыбнулся самому себе и пошел укладывать своих чад.

Все помолились, последовали поцелуи, пожелания спокойной ночи и хихиканье Кейт, которая что-то тихо сказала старшему брату, а тот резко прошептал:

– Прекрати, Кейт... Хватит! Ты меня уже достала!

Наконец все уgomонились.

Мак немного прибрался при свете фонарика, решив отложить наведение порядка до утра. В любом случае они собирались тронуться в путь не раньше обеда. Он сварил кофе и присел с кружкой возле догорающего костра. Глядя на всполохи угольков, он куда-то унесся в мыслях. Он сидел в одиночестве, но не был одинок. Кажется, эта строка из песни Брюса Кокберна «Слухи о славе». Он не был в этом уверен, но если не забудет, то послушает песню, когда вернется домой.

И пока Мак сидел, зачарованный пламенем и окутанный его теплом, он молился, и это были молитвы благодарности. Ему многое дано! Благодать – вот, пожалуй, самое правильное слово. Довольный, отдохнувший и умиротворенный, он даже не подозревал, что через двадцать четыре часа его молитвы кардинально изменятся.

* * *

Следующее утро выдалось солнечным и теплым, однако началось оно не слишком удачно. Мак поднялся рано, решив удивить детей чудесным завтраком, однако обжег два пальца, пытаясь снять со сковородки прилипшие оладьи. От жгучей боли он опрокинул плитку и миску тестом на песок. Дети, разбуженные шумом и приглушенными проклятиями, высунулись из-под полога и захихикали, поняв, в чем дело. «Ничего смешного!» – Этого было достаточно, чтобы они тотчас скрылись в палатке, но продолжали смеяться, наблюдая за ним сквозь окошки, затянутые москитной сеткой.

Таким образом, вместо задуманного Маком пиршества на завтрак ограничились хлопьями, чуть политыми молоком, поскольку все молоко было потрачено на тесто. В течение следующего часа Мак пытался организовать сборы, держа при этом два пальца в стакане с холодной водой; приходилось постоянно подкладывать новые порции льда, которые Джош откалывал черенком ложки.

Эта новость, вероятно, разлетелась по лагерю, потому что прибежала Сара Мэдисон с аптечкой, а через несколько минут пальцы Мака были обработаны какой-то белесой жидкостью, и боль отступила.

Тем временем Кейт с Джошем выполнили свою часть работы и попросили разрешения в последний раз прокатиться по озеру на каноэ Дусеттов, пообещав надеть спасательные жилеты. После категоричного отказа последовали уговоры детей, в особенности Кейт, и Мак в конце концов согласился, еще раз напомнив им, как следует вести себя в каноэ и о правилах безопасности. Он не особенно за них беспокоился, так как стоянка находилась недалеко от озера – на расстоянии броска камня, и они обещали держаться у берега. Мак сможет приглядывать за ними и одновременно паковать вещи.

Мисси сидела за столом и раскрашивала книжку, купленную на водопаде Мултномах. «Она просто прелесть», – подумал Мак, поглядывая на дочку и прибирая учиненный им ранее беспорядок. На Мисси был надет коротенький красный сарафанчик с вышитыми цветами, который они купили в Джозефе в первый день путешествия.

Спустя пятнадцать минут Мак поднял голову, услышав со стороны озера знакомый голос, зовущий: «Папа!» Это была Кейт. Они с братом гребли как настоящие профи. Оба послушно надели спасательные жилеты, и Мак помахал им.

Поразительно, как порой незначительный поступок или событие могут полностью перевернуть всю жизнь. Кейт подняла весло, чтобы помахать в ответ, потеряла равновесие и качнула каноэ. На ее лице застыло выражение ужаса, когда лодка медленно и беззвучно перевернулась. Джош неистово пытался выправить каноэ, но было слишком поздно, и он исчез из виду при всплеске волны. Мак подбежал к берегу. Он не полез в воду, чтобы помочь детям, когда они выплывут. Первой показалась Кейт. Она вынырнула, выплевывая воду и крича, но Джоша не было видно. И вдруг Мак заметил бурлящую воду и барахтающиеся ноги и понял: случилось что-то ужасное.

К его изумлению, навыки, которые он получил, работая в юности спасателем, живо отозвались в нем. В считанные секунды он оказался в воде, сбросив на бегу ботинки и рубашку. Он даже не заметил ледяной холод, когда проплыл пятнадцать метров, отделявшие его от перевернутого каноэ, и не слышал судорожных рыданий своей дочери. Она в безопасности. Самое главное сейчас –

это Джош.

Сделав глубокий вдох, Мак нырнул. Бурлящая вода оставалась кристально прозрачной, видимость была примерно на метр. Он сразу заметил Джоша и очень быстро понял, почему тот не всплывает. Один из ремней спасательного жилета запутался в оснастке каноэ. Несмотря на старания Мака, ему не удалось освободить ремень, поэтому он пытался знаками показать Джошу, чтобы тот нырнул под каноэ, где еще оставался воздух. Но бедный парень запаниковал, тщетно пытаясь вырваться из ремней, которые удерживали его под водой.

Мак вынырнул на поверхность, крикнул Кейт, чтобы она плыла к берегу, набрал в легкие как можно больше воздуха и нырнул снова. На третьей попытке, понимая, что время уже на исходе, он смекнул: нужно либо освободить Джоша от жилета, либо перевернуть каноэ. Поскольку к Джошу было невозможно приблизиться, он выбрал последнее. Кто знает, помогли ли ему Бог и ангелы либо Бог и адреналин, но со второй попытки удалось перевернуть каноэ и освободить Джоша.

Жилет в конце концов не подвел и удерживал мальчика на поверхности воды. Мак вынырнул позади Джоша, который был без сознания; царапина на лбу, полученная от удара о борт каноэ, кровоточила. Мак тотчас принялся делать сыну искусственное дыхание, пока остальные, сбежавшиеся на шум, вытягивали его вместе с каноэ на мелководье.

Не обращая внимания на крики, а также советы и вопросы окруживших Мака людей, он сосредоточенно пытался восстановить дыхание. Едва ноги Джоша коснулись твердой земли, он закашлял, извергая из себя воду и съеденный завтрак. Восторженный вопль вырвался у всех собравшихся. Мака захлестнул прилив адреналина, и он заплакал от счастья. Вдруг рыдающая Кейт бросилась ему на шею, и все вокруг смеялись, плакали и обнимались.

Каким-то образом все оказались на берегу. Среди тех, кого привлекли на берег паника и шум, были Джесс Мэдисон и Эмиль Дусетт. Среди сумятицы и радостных криков Мак услышал голос Эмиля, который, словно молитву, шепотом повторял снова и снова:

– Мне так жаль... мне так жаль... мне так жаль.

Это было его каноэ. Это могли быть его дети. Мак подошел к нему, обнял и прокричал в ухо:

- Прекрати! Ты ни в чем не виноват. Все хорошо!

Эмиль разрыдался, давая выход накопившимся чувствам страха и вины.

Худшее осталось позади. По крайней мере, так думал Мак.

Глава 4

Великая Скорбь

Печаль – это стена между двумя садами.

Халиль Джебран

Мак стоял на берегу, стараясь восстановить дыхание. Спустя несколько минут он вспомнил о Мисси. Когда он в последний раз ее видел, она раскрашивала книжку. Он вышел на место, откуда была видна стоянка, но там девочки не оказалось. Он бросился к палатке, выкрикивая имя дочери. Ответа не последовало. Мисси нигде нет. Сердце Мака учащенно забилося, однако он старался не терять головы: несмотря на суматоху, наверняка кто-нибудь видел ее, может быть, Сара Мэдисон, или Викки Дусетт, или кто-то из детей постарше.

Скрывая паническое состояние, он отыскал своих новых друзей, сообщил им, что не может найти Мисси, и попросил поискать ее в их палатках. Все поспешно разошлись по своим стоянкам. Первым вернулся Джесс и сказал, что Сара сегодня не видела Мисси.

Затем они с Маком двинулись к Дусеттам, но Эмиль уже бежал им навстречу, на его лице читалось беспокойство.

– Никто сегодня не видел Мисси, и мы не знаем, где Амбер. Возможно, они где-нибудь вместе? – В голосе Эмиля слышались тревожные нотки.

– Уверен, так оно и есть, – сказал Мак, стараясь успокоить и себя, и Эмиля. – Где, по-твоему, они могут быть?

– Может, поискать в душевых? – предположил Джесс.

– Хорошая мысль, – сказал Мак. – Я проверю кабинки возле нашей стоянки, которыми пользовались мои дети. Может, вы с Эмилем посмотрите в душевой между вашими стоянками?

Они кивнули, и Мак поспешил к ближайшей душевой, только сейчас заметив, что он бос и без рубашки. «Ну и видок», – подумал он. В другой ситуации он, вероятно, пошутил бы, но сейчас его волновало исчезновение Мисси.

Подойдя к душевым, он спросил у девочки-подростка, вышедшей из женского душа, нет ли там маленькой девочки в красном сарафане, может быть, даже двух девочек. Она ответила, что не заметила их, но посмотрит еще раз. Не прошло и минуты, как она вернулась, отрицательно покачав головой.

– В любом случае спасибо, – произнес Мак и свернул за угол строения, где размещались душевые. Он снова принялся громко звать Мисси. Было слышно, как течет вода, но никто не отзывался. Предположив, что Мисси может принимать душ, он постучал по стенке каждой кабинки. Сам того не желая, он до смерти напугал одну пожилую даму, так как дверца ее кабинки открылась. Дама закричала, и Мак, путано извиняясь, быстро захлопнул дверцу и перешел к следующей кабинке.

Все остальные кабинки оказались пустыми. Он заглянул в мужские душевые и туалет, не заостряя внимания на своих действиях. Мисси не было нигде, и он побежал к стоянке Эмиля, моля Господа лишь об одном: «О Господи, помоги мне найти ее... О Господи, ну пожалуйста, помоги...»

Увидев его, Викки бросилась навстречу. Она сдерживала слезы, но когда они обнялись, расплакалась. Маку вдруг отчаянно захотелось, чтобы Нэн оказалась рядом. Уж она-то знает, как быть, во всяком случае, знает, что нужно предпринять. Он почувствовал себя таким потерянным.

– Сара отвела Кейт и Джоша на вашу стоянку, так что за них не беспокойся, – сказала Викки.

«О Боже, – подумал Мак, совершенно забывший про двоих старших детей. – Что я за отец?» Хотя в присутствии Сары ему стало немного легче, его желание, чтобы Нэн была здесь, только усилилось.

На стоянку прибежали Эмиль и Джесс. Эмиль сохранял спокойствие, зато Джесс напоминал сжатую пружину.

– Мы ее нашли! – воскликнул Эмиль. Его лицо на мгновение просияло, но вскоре снова омрачилось, когда он понял свою оплошность: – Я имею в виду Амбер. Она пошла в другую душевую, где осталась горячая вода. Она заявляет, что предупредила маму, но Викки, наверное, не услышала... – Голос его сорвался.

– Но Мисси мы не нашли, – поспешил добавить Джесс. – Амбер тоже не видела ее сегодня.

Организацию поисков взял на себя Эмиль:

– Мак, необходимо немедленно сообщить администрации лагеря и начать прочесывание местности. Может быть, она испугалась суматохи, побежала и заблудилась в лесу. Может быть, она пыталась вернуться в лагерь и потеряла тропу. У тебя есть ее фотография? Наверное, у них в конторе есть ксерокс, тогда мы сделаем несколько копий и сэкономим время.

– Да, у меня есть карточка в бумажнике. Мак сунул руку в задний карман и на секунду почувствовал панику – карман был пуст. Неужели его бумажник выпал и лежит на дне озера Валлова? Затем он вспомнил, что бумажник упаковал с вещами еще вчера, после путешествия на фуникулере.

Все трое вернулись на стоянку Мака. Джесс побежал сообщить Саре, что Амбер нашлась, но поиски Мисси продолжаются. Вернувшись в лагерь, Мак обнял и как мог подбодрил Кейт и Джоша, стараясь сохранять спокойствие. Сняв мокрую одежду, он переоделся в футболку и джинсы, надел сухие носки и кроссовки. Сара пообещала, что присмотрит вместе с Викки за старшими детьми, и добавила шепотом: она будет молиться за него и Мисси. Мак обнял ее и

поблагодарил. Поцеловав детей, он присоединился к двум другим мужчинам, и они побежали к конторе администрации.

Новость о случившемся на воде уже дошла до начальства лагеря, и у управляющего было хорошее настроение – он радовался, что все благополучно закончилось. Но все изменилось, когда он узнал о пропаже девочки. К счастью, в конторе имелся ксерокс, и Мак отпечатал полдюжины копий увеличенного фото Мисси, раздав всем присутствующим.

Лагерь «Валлова Лейк», рассчитанный на 215 мест, состоял из пяти секторов и трех зон. Молодой помощник управляющего, Джереми Беллами, вызвался помочь. Лагерь поделили на четыре зоны, и каждый отправился прочесывать свою часть, взяв карту, распечатку фото Мисси и рацию. Еще один помощник с рацией отправился на стоянку Мака, на тот случай, если Мисси вернется туда.

Работа велась неторопливо и тщательно, но слишком медленно, как казалось Маку. Он понимал, что это самый верный способ отыскать Мисси, если... если она все еще находится на территории лагеря. Пока Мак обходил палатки и трейлеры, он молился и давал обещание. В глубине души он понимал, что обещать что бы то ни было Богу довольно глупо и безрассудно, но ничего не мог с собой поделаться. Ему смертельно хотелось вернуть Мисси, а Господь наверняка знал, где она скрывается.

Многие отдыхающие либо уже покинули стоянки, либо заканчивали сборы перед отъездом домой. Никто из опрошенных не видел Мисси или кого-нибудь похожего на нее. Периодически поисковые отряды связывались по рации с конторой, чтобы узнать о результатах поиска. Такая ситуация сохранялась до двух часов дня.

Мак заканчивал осмотр своего сектора, когда заработала рация. Джереми, который прочесывал местность возле ворот лагеря, кажется, что-то выяснил. Эмиль велел всем делать отметки на карте, чтобы знать, какие участки проверены, и назвал номер стоянки, откуда Джереми вышел на связь. Мак прибыл последним. Он приблизился к группе, живо обсуждавшей что-то; там были Эмиль, Джереми и молодой человек, которого Мак не узнал.

Эмиль быстро подвел Мака к Виргилу Томасу, пареньку из Калифорнии, который провел все лето в лагере вместе со своими приятелями. Накануне вечером

Виргил с друзьями поздно разошлись после вечеринки, поэтому он единственный свидетель того, как сегодня старый пикап цвета хаки выехал с территории по шоссе в сторону Джозефа.

– А в котором часу это было? – спросил Мак.

– Как я ему уже говорил, – Виргил показал пальцем на Джереми, – около полудня. Точнее сказать не могу. Я был слегка навеселе, и на самом деле мы здесь часы не считаем.

Сунув в лицо молодому человеку изображение Мисси, Мак спросил резко:

– А вы уверены, что видели именно ее?

– Когда этот парень показал мне фото в первый раз, я ее не узнал, – ответил Виргил, снова взглянув на фото. – Но потом он сказал, что на ней было ярко-красное платье, и я вспомнил: девочка в зеленом пикапе была в красном; она то ли смеялась, то ли плакала, не могу сказать точно. Я видел, как парень в пикапе шлепнул ее или столкнул с сиденья, может, они так играли.

Мак был потрясен. Новость ошеломила его, тем не менее это была единственная зацепка на сегодняшний день. Стало ясно, почему они не нашли Мисси. Все его существо отказывалось верить в правдивость случившегося. Он повернулся и рванул к конторе, но его остановил голос Эмиля.

– Мак, стой! Мы уже все сообщили по рации в администрацию и связались с шерифом в Джозефе. Они направили сюда группу и объявили пикап в розыск.

Едва он договорил, как по команде, на территорию лагеря въехали две патрульные машины. Первая продолжила путь в контору, а другая остановилась рядом с ними. Мак замахал полицейскому и поспешил к автомобилю. Молодой человек, которому на вид было около тридцати лет, представился как инспектор Далтон и сразу приступил к своим обязанностям.

В следующие часы закипела работа, вызванная исчезновением Мисси. Всем постам отправили словесный портрет: на запад до Портленда; на восток до Бойсе, штат Айдахо; на север до Спокана, штат Вашингтон. Полицейские в

Джоозефе расставили посты на шоссе Имнаха, которое уходило в глубь национального парка «Адский каньон». Если похититель повез Мисси по шоссе Имнаха – это наиболее вероятный маршрут, – полицейские постоянно будут получать информацию о машинах, движущихся в обратном направлении. Ресурсы были ограниченные, поэтому окрестные лесничие получили приказ проявлять бдительность.

Место преступления, стоянку Филлипсов, огородили лентой, всех соседей допросили. Виргил вспомнил все что смог о пикапе и пассажирах. Его показания были разосланы в подразделения.

Агенты ФБР в Портленде, Сиэтле и Денвере получили описания. Позвонили Нэн, и она тотчас выехала в сопровождении своей лучшей подруги Марианн. На поиски привлекли даже служебных собак, однако след Мисси обрывался на ближайшей стоянке, что подтверждало показания Виргила.

Когда криминалисты прочесали весь лагерь, инспектор Далтон попросил Мака вернуться на стоянку и проверить, все ли вещи на месте. Хотя выпавшие на долю Мака испытания вымотали его, он отчаянно хотел помочь, поэтому постарался сосредоточиться и вспомнить события этого утра. Осторожно, словно боясь кого-то потревожить, он восстанавливал в памяти шаг за шагом. Он бы отдал все на свете, лишь бы этот день начался сызнова. Он готов снова обжечь пальцы, переворачивая оладьи, лишь бы повернуть события вспять.

Но как ни он силился справиться с задачей, ничего нового вспомнить не смог. Он подошел к столу, за которым сидела Мисси. Раскраска была раскрыта на страничке с незаконченным рисунком индейской принцессы племени мултномах. Карандаши лежали на месте, хотя не хватает красного, любимого цвета Мисси. Он принялся осматривать землю в надежде найти упавший карандаш.

– Если вы ищете красный карандаш, то мы нашли его вон там, под деревом, – сказал Далтон, указывая в сторону стоянки. – Она, должно быть, обронила его, когда отбивалась от... – Он осекся.

– Откуда известно, что она отбивалась? – напрягся Мак.

Полицейский замаялся, но все-таки нехотя ответил:

– Мы нашли в кустах ее туфельку, где, возможно, она ее обронила. Вас тогда не было, поэтому мы попросили вашего сына опознать туфлю.

Образ дочери, отбивающейся от какого-то извращенца, сразил Мака, как удар под дых. Подступила тошнота, и, опасаясь, что его вырвет, он прижался к столу. Он заметил булавку с божьей коровкой, воткнутую в книжку с картинками. Он моментально пришел в себя, словно вдохнул нюхательную соль.

– Что это? – спросил он у Далтона, указывая на булавку.

– Вы о чем?

– Булавка с божьей коровкой! Кто ее сюда воткнул?

– Мы думали, это оставила Мисси. Хотите сказать, что утром этой булавки здесь не было?

– Готов поклясться! – категорично заявил Мак. – У Мисси нет ничего подобного. И я абсолютно уверен, что этого утром не было!

Инспектор Далтон взялся за рацию, и через несколько минут криминалисты приобщили булавку к уликам.

Далтон отвел Мака в сторону и объяснил:

– Если вы правы, то вынужден признать: похититель Мисси оставил здесь эту булавку с явным намерением. – Он сделал паузу, прежде чем продолжить: – Мистер Филлипс, это может оказаться как хорошей, так и дурной новостью.

– Не понимаю, – сказал Мак.

Полицейский снова заколебался, решая, стоит ли говорить Маку о своих догадках. Он подыскивал нужные слова.

– Ладно, хорошая новость – у нас есть улика. Пока это единственная зацепка, указывающая на похитителя.

– А плохая? – Мак задержал дыхание.

– А плохая... я не утверждаю, что это именно ваш случай, однако парни, которые оставляют нечто подобное, обычно преследуют определенную цель; это означает, что они уже совершали подобные похищения раньше.

– Что вы сказали?! – ошетинился Мак. – Этот тип – серийный убийца? Он нарочно оставляет знак, чтобы заявить о себе, метит территорию?

Мак начал раздражаться, и по выражению лица Далтона было ясно, что он сожалеет о сказанном. Но прежде чем Мак успел взорваться, отделение ФБР в Портленде вышло на связь с Далтоном. Мак стоял рядом и слышал, как Далтона попросили подробно описать булавку. Мак прошел за полицейским в контору администрации, где расположились криминалисты. Булавка находилась в пластиковом пакете на молнии. Мак встал позади группы экспертов и слушал, как Далтон пытается в деталях описать улику.

– Это булавка с божьей коровкой. Она была воткнута в раскраску. Кажется, такие булавки женщины носят на лацкане пиджака.

– Пожалуйста, опишите цвет и количество точек на божьей коровке, – потребовал голос из рации.

– Сейчас проверю, – сказал Далтон, пронзая взглядом пакет. – Головка черная, с... ну... головка божьей коровки. А туловище красное, по краям черное, по центру проходит линия. На левом крыле две черные точки. Это важно?

– Очень. Продолжайте, – нетерпеливо проговорил голос.

– На правом крыле божьей коровки три точки, таким образом всего пять.

Последовала пауза.

– Вы уверены, что точек именно пять?

– Да, мэм, точек пять. – Далтон поднял голову и заметил Мака, который приблизился, чтобы рассмотреть булавку. Они встретились взглядами, и Мак

пожал плечами, словно говоря: «Какая разница, сколько тут точек?»

– Что ж, хорошо, инспектор Дабни...

– Далтон, мэ, Томми Далтон. – Полицейский снова посмотрел на Мака и закатил глаза.

– Прошу прощения, инспектор Далтон. Не могли бы вы перевернуть булавку и сообщить мне, нет ли чего-нибудь на обратной стороне и по бокам божьей коровки?

Далтон перевернул пакет и внимательно посмотрел.

– На обратной стороне какой-то отпечаток, агент... э... я не слышал вашей фамилии.

– Виковски. Пишется как слышится. Что там, буквы или цифры?

– Сейчас посмотрю. Да, есть. Похоже на номер модели. Ч... К... один, четыре, шесть, да, вроде бы верно, Чарли, Кило, один, четыре, шесть. Трудно разглядеть через пакет.

На другом конце повисла тишина. Мак шепнул Далтону:

– Спросите, что все это значит.

Далтон колебался, но затем обратился с вопросом:

– Виковски? Вы еще здесь?

– Да, здесь. – Голос вдруг зазвучал устало и гулко. – Послушайте, Далтон, вы можете уединиться, чтобы нас никто не слышал?

Мак взволнованно закивал, и Далтон понял его.

– Секунду. – Он положил пакет с булавкой и вышел, разрешив Маку последовать за ним. – Да, теперь можно. Скажите наконец, что за булавка на божьей коровке.

– Мы пытаемся поймать этого парня почти четыре года, преследовали его на территории девяти штатов – он прорывается на запад. Его прозвище Убийца Божьих Коровок. Мы ни разу не допустили утечки информации, так что и вас прошу хранить молчание. Мы считаем, что он виновен в похищении и убийстве по крайней мере четырех детей – все девочки, и все не старше десяти лет. Каждый раз он прибавляет на божьей коровке по точке – значит, сейчас пятый случай. Он всегда оставляет булавку на месте преступления, всегда с одним и тем же серийным номером, как будто закупил целую партию, но нам так и не удалось установить, где он их приобрел. Нам не удалось найти ни одного тела четырех похищенных девочек, и даже эксперты-криминалисты ничего не обнаружили, но есть основания полагать, что девочек нет в живых. Все преступления совершались возле лагерных стоянок, либо в национальном парке, либо в резервации. Преступник, надо полагать, опытный турист и скалолаз. Во всех случаях он не оставлял никаких следов, за исключением булавки.

– А как же машина? У нас есть описание зеленого пикапа, на котором он уехал.

– О, его вы наверняка найдете. Если это именно тот парень, то машину он угнал за день-два до похищения, перекрасил ее, загрузил туристское снаряжение и стер все отпечатки.

Слушая разговор Далтона со спецагентом Виковски, Мак чувствовал, как угасает последняя надежда. Он опустился на землю и закрыл лицо руками. Есть ли на земле столь же измученный человек, как он? С момента исчезновения Мисси он впервые позволил себе задуматься об ужасных последствиях. Мысли нахлынули, и он уже не мог остановиться. Образы, добрые и порочные, безмолвно сливались в его сознании в чудовищном шествии. Он тщетно попытался избавиться от навязчивых образов. Ему рисовались призрачные сцены пыток и страданий: чудовища и демоны из мрачной бездны с колючей проволокой и лезвиями вместо пальцев; Мисси, безответно зовущая своего папу. И между этими кошмарами пробивались его собственные воспоминания: вот едва начавшая ходить Мисси со своей чашкой «Мисси-сипи», как они ее называли; а вот она в два года, разомлевшая от большого количества съеденного шоколадного торта; и еще один, свежий образ, когда она безмятежно заснула на руках отца. Неотступные образы.

Что он скажет на ее похоронах? Что он скажет Нэн в свое оправдание? Как такое могло случиться? Господи, как такое могло случиться?!

* * *

Спустя несколько часов Мак с двумя детьми отправился в Джозеф, который стал центром расширяющейся зоны поисков. Владельцы гостиницы бесплатно предоставили ему комнату, и когда он перенес вещи, его подкосила усталость. Он поблагодарил инспектора Далтона, который предложил отвести детей пообедать в ресторан при гостинице, а сам сел на край кровати, медленно раскачиваясь взад-вперед и ощущая тиски беспросветного гнетущего отчаяния. Душераздирающие рыдания и стоны рвались из глубины его существа. В таком виде он предстал перед Нэн. Две разбитые души, они обняли друг друга и плакали; Мак изливал свою скорбь, а Нэн пыталась не дать ему сломаться.

В ту ночь Мак почти не спал. Видения снова захлестнули его, подобно волнам на каменистом берегу. Он сдался лишь под утро, до восхода солнца. В одночасье Мак растратил годовой запас душевных сил и теперь ощущал пустоту; мир внезапно утратил для него всякий смысл и навеки останется серым.

Несмотря на протесты Нэн, решили, что ей с Джошем и Кейт лучше вернуться домой. Мак останется помогать полицейским и будет находиться ближе к месту событий, на всякий случай. Да и как он мог уехать – вдруг Мисси где-то рядом и нуждается в его помощи? Весть разнеслась быстро. Приехали друзья, чтобы помочь ему собрать вещи и отвезти прицеп в Портленд. Позвонил его начальник, предложив любую возможную поддержку и сказав, что Мак может оставаться сколько потребуется. Все знакомые Мака молились.

Репортеры и со своими фотографами начали появляться с утра. Мак не хотел с ними встречаться, но, поразмыслив, он все же ответил на их вопросы, полагая: если новость разлетится, это поспособствует поиску Мисси.

Отношения Мака с Далтоном выходили за рамки формальностей протокола, поэтому Далтон держал его в курсе расследования. Джесс с Сарой, желая хоть чем-то облегчить участь Мака, неотступно были рядом. Они приняли на себя основное бремя общения с прессой и, кажется, одновременно появлялись повсюду, искусно вплетая ниточки умиротворения в его напряженные чувства.

Из Денвера приехали родители Эмиля Дусетта, чтобы отвезти домой Викки с детьми. Они благословили Эмиля, и тот остался, чтобы поддерживать связь с администрацией парка и собирать для Мака информацию. Нэн быстро сблизилась с Сарой и Викки. Она играла с Джей-Джеем и одновременно собирала своих детей в обратный путь. А когда сдавали нервы, что случалось часто, Викки и Сара всегда были рядом, чтобы поплакать и помолиться вместе с ней.

Когда стало ясно, что они больше ничем не могут помочь, Мэдисоны свернули свою стоянку, и наступил полный слез момент расставания. Джесс обнял Мака и шепнул, что они непременно встретятся, а пока он будет молиться за них. По щекам Сары катились слезы. Она поцеловала Мака в лоб, а затем обняла плачущую Нэн. Миссис Мэдисон напела что-то, Мак не разобрал слов, и его жена быстро успокоилась. Мак никак не мог дождаться, когда пара тронется в путь.

Когда Дусетты уже подготовились к отъезду, Мак улучил минуту, чтобы поблагодарить Амбер и Эмми за утешение и помощь, которую он сам не мог дать Нэн. Джош на прощание заплакал; ему не хотелось храбриться, во всяком случае сегодня, Кейт же, напротив, проявила твердость и проследила, чтобы семьи обменялись друг с другом почтовыми и электронными адресами. Викки была глубоко потрясена случившимся, она припала к Нэн, потому что горе могло захлестнуть ее. Нэн поддерживала ее, глядя по голове и шепча в ухо молитвы, пока Викки не успокоилась и не смогла сама дойти до машины.

К полудню все семьи разъехались. Марианн повезла Нэн с детьми к себе домой, где ее семья готова окружить их заботой и вниманием. Мак и Эмиль вместе с инспектором Далтоном, который стал для них просто Томми, направились на патрульной машине в Джозеф. Там они купили сэндвичи, к которым едва притронулись, а затем поехали в полицейский участок. У Томми Далтона было две дочери, старшей всего пять лет, поэтому горе семьи Филлипсов он принял близко к сердцу.

Наступил самый мучительный этап расследования – ожидание. Мак чувствовал себя заторможенным среди окружавшего его вихря событий. Со всех сторон поступали донесения. Даже Эмиль был занят, отправляя по электронной почте письма знакомым и специалистам.

Днем прибыло подкрепление из местных отделений ФБР трех крупных городов. Уже с самого начала было понятно, что здесь заправляет всем агент Виковски –

маленькая стройная женщина, воплощение силы и энергии, к которой Мак проникся симпатией. Она платила ему той же монетой, и с этого времени Маку было позволено присутствовать даже на закрытых совещаниях.

Устроившись в гостинице, агенты ФБР попросили Мака явиться для официальной дачи показаний, – по их словам, обычной процедуры в таких обстоятельствах. Агент Виковски встала из-за стола, пожалала его ладонь обеими руками и грустно улыбнулась.

– Мистер Филлипс, прошу извинить, что не могла уделить вам достаточно времени. Дел невпроворот, нужно наладить связь с полицией и другими агентами, привлеченными для поиска. Сожалею, что нам приходится знакомиться в таких условиях.

Мак поверил ей.

– Мак, – представился он.

– Прошу прощения?

– Мак. Пожалуйста, называйте меня Мак.

– Что ж, Мак, в таком случае я Сэм. Сокращение от Саманты. В детстве я была настоящим сорванцом и колотила ровесников, называвших меня Самантой.

Мак невольно улыбнулся и слегка расслабился, глядя, как быстро она перебирает бумаги в двух папках с документами.

– Мак, вы готовы ответить на несколько вопросов? – спросила она.

– Я постараюсь, – отозвался он, благодарный за возможность хоть чем-то помочь в расследовании.

– Хорошо. Мне не хочется снова возвращать вас к деталям. У меня есть отчет о ваших показаниях, мне нужно уточнить пару важных моментов. – Она подняла голову, поймав его взгляд.

– Все, чем только могу помочь, – заверил Мак. – Я ощущаю свою полную бесполезность.

– Понимаю вас, однако ваше присутствие крайне важно. И поверьте, здесь нет ни одного человека, который не переживал бы за Мисси. Мы сделаем что в наших силах, чтобы вернуть девочку домой.

– Спасибо, – выдавил из себя Мак, опустив глаза. Казалось, его чувства настолько обнажены, что даже малейшее проявление сочувствия находило брешь в его сдержанности.

– Что ж, приступим... Не заметили ли вы чего-нибудь необычного за последние дни?

Мак удивился и вжался в кресло:

– Вы хотите сказать, что преступник нас выслеживал?

– Нет, по-видимому, он находит своих жертв без всякой системы, хотя все они примерно того же возраста, что и ваша дочь, и у всех одинаковый цвет волос. Мы полагаем, что он выслеживает «добычу» примерно день-два, затаившись поблизости, и ждет удобного момента. Не заметили ли вы чего-нибудь подозрительного на берегу? Может быть, у душевых?

Мак попытался вспомнить и напряг воображение, но его словно стерли. Он оцепенел при мысли, что за его детьми следил маньяк.

– Простите, ничего не могу припомнить...

– Вы останавливались где-нибудь по дороге в лагерь? Не было ли там постороннего? Может быть, вы кого-нибудь заметили во время прогулок по окрестностям?

– Мы останавливались на водопаде Мултномах по дороге сюда. За последние три дня обошли все места, но я не припомню, чтобы нам встретился кто-то подозрительный. Кто бы мог подумать...

– Мак, не терзайте себя. Возможно, вспомните что-нибудь позже. Даже если это покажется незначительным, все равно сообщите нам. – Она помолчала, глядя в блокнот. – А что насчет пикапа цвета хаки? Не замечали ли вы похожую машину, пока находились здесь?

– Не помню. Наверное, нет.

Специальный агент Виковски продолжала задавать Маку вопросы еще минут пятнадцать, но так и не смогла достать из его памяти что-нибудь содержательное. Наконец она закрыла блокнот и поднялась, протягивая руку.

– Мак, хочу еще раз выразить сочувствие. Если что-нибудь выяснится, сообщу в ту же минуту.

* * *

В пять вечера пришла наконец первая обнадеживающая информация от дорожного поста на шоссе Имнаха. Агент Виковски, как и обещала, немедленно разыскала Мака и сообщила детали. Две супружеские пары встретили автомобиль, похожий на военный, который подходил под описание разыскиваемой машины. Очевидцы путешествовали по местам стоянок индейцев нез-персе, расположенных в одном из самых отдаленных уголков резервации вдоль шоссе «Национальный лес 4260». На обратном пути они увидели на встречном движении зеленый пикап, чуть южнее развилки, где дорога расходится в сторону «Национального леса 4260» и «Национального леса 250». Поскольку этот участок пути очень узкий, им пришлось дать задний ход до удобного съезда, чтобы пропустить пикап. Они заметили, что в кузове пикапа стояли канистры с бензином, а также лежало всевозможное туристическое снаряжение. Их внимание привлек вид водителя: он наклонился над пассажирским сиденьем, словно разглядывал нечто, лежащее на полу. Несмотря на жаркий день, на нем были пальто и низко надвинутая шляпа; складывалось впечатление, что он скрывает свое лицо.

Как только донесение огласили, напряжение в штабе усилилось. Томми пришел сообщить Маку, что, как ни прискорбно, поступившие сведения подходят под описание Убийцы Божьих Коровок; тот явно стремится в глушь, где можно легко затеряться. Нет сомнений в том, что он прекрасно сознает свои действия, поскольку место, где его видели, находится вдали от оживленных трасс.

С наступлением вечера возник спор: стоит ли пускаться в погоню немедленно или лучше отложить ее до рассвета. Какой бы точки зрения ни придерживались собравшиеся, все они принимали это дело близко к сердцу. Для любого человека невыносима сама мысль о том, что где-то страдает невинная душа, в особенности ребенок. Даже закоренелые негодяи в исправительных колониях не щадят тех, кто покусился на детей.

Мак нетерпеливо вслушивался в разговор; он казался ему пустой болтовней и тратой времени. Он готов был насильно тащить за собой Томми в лесную глушь. Дорога каждая секунда!

Ожидание для Мака было хуже пытки, но команда быстро приняла решение выехать на место, как только будут завершены все приготовления. В национальном парке было не так много выходов, однако существовала вероятность того, что опытный турист сумеет незаметно пробраться в глухую часть штата Айдахо на востоке или штата Вашингтон – на севере. Пока же связывались с полицией в городах Льюистон в Айдахо и Кларкстон в Вашингтоне и разъясняли им ситуацию. Мак позвонил Нэн, сообщил новости, а затем выехал вместе с Томми.

Теперь у него осталась только одна молитва: «Господи Боже, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, помоги моей Мисси». По его щекам катились слезы.

* * *

К половине восьмого колонна, состоящая из патрульных машин, внедорожников ФБР, пикапов со служебными собаками в клетках и машин местных лесничих, отправилась в путь. Вместо того чтобы свернуть на восток по горной дороге Валлова, которая привела бы их сразу в резервацию, они двигались на север по шоссе Имнаха. Затем они съехали на нижнее шоссе Имнаха, а под конец – на дорогу Даг-бар-роуд, пересекающую территорию резервации.

Маку временами казалось, что дорога Даг-бар расходится во все стороны. Складывалось впечатление, что кому-то не хватило фантазии, либо кто-то сильно устал, либо напился, вот и принялся называть Даг-баром любую развилку, лишь бы поскорее покончить с этим делом.

Дороги с резкими поворотами вдоль крутых обрывов в кромешной ночной тьме стали еще опаснее. Колонна еле ползла. Наконец они проехали точку, где был замечен зеленый пикап, а еще через полтора километра показалась развилка: шоссе «Национальный лес 4260» уходило дальше на северо-восток, а шоссе «Национальный лес 250» тянулось на юго-восток. Здесь по плану отряд разделился: маленькая группа с агентом Виковски отправилась на север по шоссе 4260, а остальные, включая Мака, Эмиля и Томми, двинулись на юго-восток по дороге 250. Преодолев трудный путь в несколько километров, бо́льшая группа снова разделилась: Томми и пикап с собаками поехали дальше по трассе 250, в то место, где, судя по карте, дорога заканчивалась, а все остальные тронулись в восточном направлении по шоссе «Национальный лес 4240», в район Темперенс-Крик.

С этого момента поисковые действия застопорились. Все вышли из машин и шли пешком, в ярком свете фар высматривая любые следы на дороге.

Прошло два часа, они со скоростью черепахи приближались к концу шоссе 250. Виковски вызывала по радиации Далтона. Ее группа напала на след. Примерно в пятнадцати километрах от развилки, где они разделились, от шоссе 4260 в северном направлении отходила старая грунтовая дорога, которая обрывалась примерно через три километра. Она заросла и была едва заметной. Ее проскочили бы, если бы один из агентов не заметил в свете фонарика колпак от колеса примерно в пятнадцати метрах от шоссе. Он поднял находку, стер дорожную грязь и увидел на диске следы зеленой краски. Колпак, вероятно, отскочил, когда пикап выбирался из глубокой рывины.

Группа Томми немедленно развернулась в обратный путь. Мак не позволял себе даже надеяться, что каким-то чудом Мисси еще жива, – все говорило об обратном. Прошло минут двадцать, раздается новый вызов от Виковски. Она сообщила, что пикап найден. С воздуха обнаружить его было бы невозможно, поскольку он был тщательно замаскирован ветками.

Отряду Мака потребовалось почти три часа, чтобы догнать группу Виковски. К тому времени собаки нашли звериную тропку, которая примерно через полтора километра привела к небольшой укромной долине. На берегу озера стояла ветхая хижина. Вода в озере поддерживалась источником, падающим с утеса. Возможно, когда-то, лет сто назад, это был домик переселенца. В нем было две просторные комнаты – вполне достаточно для небольшой семьи. С тех пор хижина, по-видимому, стала пристанищем для охотников.

Когда Мак и его друзья присоединились к отряду Виковски, небо уже светлело. Лагерь разбили в стороне от хижины, чтобы не затоптать следы. Во все стороны были разосланы полицейские с собаками. Временами раздавался обнадеживающий лай, но он быстро смолкал. В конце концов все вернулись в лагерь, чтобы перегруппироваться и согласовать план действий.

Агент Виковски сидела за столом, изучая карты и глотая воду из запотевшей бутылки.

Вошел Мак. Она улыбнулась и протянула ему бутылку. В ее глазах светилась печаль, но она сохраняла деловой настрой.

– Привет, Мак. – Она колебалась. – Не хотите присесть?

Мак не хотел садиться. Ему необходимо было чем-то занять себя, чтобы внутренности не сводило судорогой.

– Мак, мы кое-что обнаружили, но новости плохие.

Он подыскивал нужные слова.

– Вы нашли Мисси? – Он хотел знать ответ на этот вопрос, но боялся его услышать.

– Нет, не нашли. – Сэм сделала паузу. – Но мы кое-что обнаружили в лачуге. Хочу, чтобы вы взглянули. Мне необходимо знать, принадлежало ли... – Она исправилась, но слишком поздно. – Принадлежит ли это Мисси.

Мак тупо смотрел в землю. Он почувствовал себя древним старцем, прожившим миллион лет, и мечтал превратиться в бесчувственный камень.

– О Мак, простите, – извинилась Сэм, вставая. – Мы можем сделать это позже, если хотите. Я просто подумала...

– Давайте сейчас, – проворкотал он еле слышно. – Я хочу знать все, что известно. Виковски, по-видимому, подала знак остальным, потому что Мак внезапно

почувствовал, как его взяли под руки. Эмиль и Томми повели его вслед за агентом по короткой тропинке к хижине.

Кто-то из группы криминалистов открыл дверь, пропуская их внутрь. Главная комната освещалась с помощью электрогенератора. Вдоль стен висели полки, в центре стоял стол, несколько стульев и старый диван, который когда-то втащили с немалыми усилиями. Мак сразу увидел то, что должен был опознать, и забился в руках своих друзей, рыдая навзрыд. На полу, рядом с печкой, лежал порванный окровавленный красный сарафанчик Мисси.

* * *

Следующие несколько недель превратились для Мака в череду встреч с властями и представителями прессы. Потом была панихида по Мисси. Маленький пустой гробик в окружении скорбных лиц, которые в растерянности прощались, не находя слов. Затем он начал медленно и мучительно возвращаться к повседневной жизни.

Убийца Божьих Коровок, как видно, заполучил пятую жертву, Мелиссу Энн Филлипс. Как и в прежних четырех случаях, власти не нашли тела жертвы, хотя поисковые отряды несколько дней прочесывали лес вокруг хижины. И снова маньяк не оставил ни отпечатков пальцев, ни образца ДНК – никаких улик, только булавка. Складывалось впечатление, что это не человек, а призрак.

Спустя некоторое время Мак пытался абстрагироваться от горя и боли ради своей семьи. Да, они потеряли дочь и сестру, но было бы неправильно, если бы они лишились вдобавок отца и мужа. Разыгравшаяся трагедия сильно отразилась на всех участниках событий, однако казалось, что Кейт страдает больше других. Она ушла в себя и закрылась, подобно улитке, которая прячется под раковиной при любой опасности. Кейт раскрывалась только тогда, когда чувствовала себя в полной безопасности, а это случалось все реже и реже. Мак и Нэн не находили слов, способных пробить оборонительные укрепления, которыми она оградила свою душу. Попытки поговорить превращались в монологи; слова будто отскакивали от ее каменного лица. Можно было подумать, что внутри нее что-то умерло и теперь медленно разлагается, изредка прорываясь наружу горечью или бесчувственным молчанием.

Джош справлялся с горем легче, отчасти благодаря переписке с Амбер. Электронная почта и телефон позволяли ему выплеснуть свою боль, а Амбер давала ему время и пространство для скорби. Кроме того, в этом году он оканчивал школу, и ему приходилось много заниматься.

Пришла Великая Скорбь. Ее гнетущая сила окружила все, что когда-то было связано с Мисси. Мак и Нэн держались стойко. Нэн с самого начала дала понять, что ни в коем случае не винит Мака за трагедию. По понятным причинам Маку потребовалось гораздо больше времени, чтобы снять с себя чувство вины, хотя бы малую часть...

Было так легко утонуть в пучине отчаяния. Если бы только он решил не брать детей в поход; если бы только сказал «нет», когда они просили разрешения поплавать на каноэ; если бы только они уехали на день раньше; если бы, если бы, если бы. И кончилось все ничем. Тот факт, что они не смогли придать земле тело Мисси, для него как отца означал полное крушение. Мысль о том, что тело по-прежнему находится где-то в лесу, неотступно преследовала его. Прошло три с половиной года, и смерть Мисси признали официально. Жизнь никогда уже не вернется в привычное русло. Она будет пустой без Мисси.

После трагедии Мака разделяла с Богом еще большая пропасть, однако он игнорировал нарастающую отчужденность. Взамен он старался обрести стоическую, без намека на чувства веру. Он находил в этом состоянии подобие утешения, однако преследовавшие его кошмары – увязшие в грязи ноги и беззвучный крик, мешавшие спасти его драгоценную Мисси, – не прекращались. Время шло, и ужасные сны тревожили все реже, а порой случались моменты радости, тогда он винил себя за это.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Билл Мойерс (род. 1934) – американский журналист и политический обозреватель; в 1965–1967 гг. работал пресс-секретарем Белого дома. – Здесь и далее примеч. ред.

2

Чинук (англ, chinook) – юго-западный теплый и сухой ветер на восточных склонах Скалистых гор в США, в штатах Монтана, Орегон и Вашингтон, резко повышающий температуру воздуха (иногда более чем на 30 °С), что вызывает бурное таяние снега в горах.

3

День труда (англ. Labor day) – национальный праздник в США, отмечаемый в первый понедельник сентября.

4

Snake (англ.) – змея. – Примеч. пер.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/uilyam-yang/hizhina-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)